

Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній.

Россія и Пруссія передъ Крымской войной.

I.

Германская политика Николая I, обыкновенно, менѣе всего останавливала на себѣ вниманіе русскихъ историковъ. Въ центрѣ этого вниманія всегда стояли ближне-восточныя отношенія Николая Павловича. Предпочтеніе совершенно естественное: восточный вопросъ является становымъ хребтомъ всей внѣшней политики этого царствованія, начавшагося Наваринской битвой и Адріанопольскимъ миромъ и окончившагося Силистріей и Севастополемъ. Естественно было все, что находится въ промежуткѣ, разсматривать, какъ послѣдствіе первыхъ и подготовку послѣднихъ. Лишь постепенно должно было выясниться, что Востокъ былъ только театромъ конфликта, главнымъ же антагонистомъ николаевской Россіи была самая западная изъ европейскихъ державъ, Англія, столкновеніе съ которой могло такъ же удобно произойти по поводу Афганистана, какъ и по поводу Турціи. Нѣтъ сомнѣнія, что Николай желалъ овладѣть Константинополемъ, но это вовсе не означало, что военная дѣйствія, направленныя къ этой цѣли, должны были вестись непремѣнно на Балканахъ. Двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти этого государя, талантливѣйшій изъ русскихъ генераловъ второй восточной войны находилъ, что путь къ Цареграду всего удобнѣе искать черезъ Гиндукушъ—ибо, увидавъ русскихъ на границахъ Индіи, Англія отдастъ не только Константинополь, а и гораздо болѣе. Восточная политика Николая Павловича была лишь однимъ изъ аспектовъ его *экономической* политики, которая давала одинаковые результаты всюду, гдѣ она примѣнялась: на берегахъ Вислы

и Нѣмана точно такъ же, какъ на берегахъ Дуная или Чернаго моря. Названіе «русско-прусскій конфликтъ при Николаѣ I» показалось бы слишкомъ страннымъ читателю, воспитанному на обычныхъ схемахъ русской дипломатической исторіи: только это и помѣшало намъ поставить его въ заголовкѣ настоящей статьи. Но тѣ, кто дочитаетъ ее до конца, согласятся, вѣроятно, что оно не было бы ни слишкомъ смѣлымъ, ни слишкомъ новымъ; нужно прибавить: вопросъ былъ уже достаточно освѣщенъ въ книгахъ, вышедшихъ въ 90-хъ, отчасти даже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Обычная схема русско-прусскихъ отношеній 30—50-хъ гг. такова: какъ на востокѣ главнымъ объективомъ политики Николая I былъ Константинополь, такъ на западѣ такимъ былъ Парижъ, не потому, чтобы наслѣдникъ Александра I хотѣлъ повторить завоевательный походъ 1814 г., а потому, что въ Парижѣ, то слабо тлѣя, то ярко вспыхивая, но никогда не угасая вполнѣ, горѣлъ огонь все-европейской революціи; а борьба съ революціоннымъ пожаромъ была главной изъ задачъ, доставшихся въ наслѣдство Николаю отъ его предшественника. Союзницами русскаго императора въ его борьбѣ со зловреднымъ «духомъ времени» были консервативныя державы центральной Европы, Австрія и Пруссія, особенно Пруссія, отношенія съ которою были исключительно полными и близкими, благодаря родственнымъ связямъ царствующихъ домовъ: русская императрица была дочерью и сестрой прусскаго короля. Въ пользу такого пониманія русско-прусскихъ отношеній можно привести сколько угодно цитатъ, самыхъ подлинныхъ, какихъ только можно пожелать. Въ 1850 г., послѣ двадцати пяти лѣтъ царствованія, Николай писалъ своему шурину, Фридриху Вильгельму IV: «Оставаясь вѣрнымъ началамъ въ Бозѣ почившаго моего брата, императора Александра, и его вѣрнаго друга, покойнаго короля—Вашего отца, я... ничего болѣе не дѣлалъ, какъ—*продолжалъ*». А о своихъ отношеніяхъ къ этому покойному королю, своему тестю, Николай Павловичъ, за семнадцать лѣтъ передъ этимъ, однажды выразился такъ: «Король знаетъ мои къ нему чувства; они составляютъ въ продолженіи двадцати лѣтъ мою жизнь и мое счастье; онъ *мой отецъ* и *я его сынъ*. Вотъ въ одномъ словѣ все, что я могу сказать ему наиболѣе сильнаго и наиболѣе искренняго» [1]).

Казалось бы, что можетъ быть убѣдительнѣе? И, однако же, въ промежуткѣ между двумя этими изъявленіями чувства и мыслей, столь категорическими, мы встрѣчаемъ слова, вышедшія

[1]) «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключ. Россіей и иностр. державами», т. VIII, предисл. Ф. Мартенса, стр. V и III.

изъ-подъ того же пера (или карандаша—Николай, съ характерной для него стремительностью, чаще пользовался послѣднимъ) и дающія, какъ французы выражаются, «другой звукъ колокола». «Дѣла въ Пруссіи идутъ такъ, что невозможно ни понять ихъ, ни угадать, что изъ этого выйдетъ»—писалъ императоръ Паскевичу 26 дек. 1842 г. «Безпорядокъ, путаница и противорѣчія достигаютъ крайняго предѣла. Зависть или ревность по отношенію къ намъ увеличиваются ежедневно. Словомъ, крайне тяжело слышать, что говорится, и читать объ этомъ. *Болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо имѣть съ ними* (пруссаками) *возможно меньше сношеній*, но въ то же время нужно быть готовыми къ всему, избѣгая того, что можетъ ихъ раздражить». «Удвоенная ненависть» нѣмецкой печати къ Россіи, писалъ онъ же недѣлей позже, «вызвана необъяснимымъ поведеніемъ Пруссіи. Ея непослѣдовательность, ея легкомысліе, ея непонятныя противорѣчіи всѣхъ приводятъ въ отчаяніе! Спрашиваешь себя, куда это приведетъ?..» Но когда писались эти письма [1]), могутъ намъ возразить, на прусскомъ престолѣ сидѣлъ уже Фридрихъ Вильгельмъ IV, не пользовавшійся довѣріемъ своего зятя именно со стороны прочности консервативныхъ убѣжденій: а это было самое главное! Притомъ же отрицательные отзывы относятся не къ человѣку, а къ заведеннымъ имъ порядкамъ. Можно любить и даже уважать кого-нибудь, и все же находить поступки даннаго лица нераціональными: хотя, нужно прибавить, трудно уважать человѣка, по отношенію къ которому рекомендуешь тактику психіатрической лѣчебницы. Характернѣе, что и личныя отношенія, притомъ въ предыдущее царствованіе, когда на прусскомъ престолѣ былъ еще тотъ, кого Николай I называлъ своимъ «отцомъ», далеко не отличались интимностью, и въ особенности взаимнымъ довѣріемъ. Когда (все въ томъ же 1833 г., къ которому относится знакомое намъ изъявленіе сыновнихъ чувствъ) Николай Павловичъ ѣхалъ въ Австрію, въ Мюнхенгрецъ, подновлять священный союзъ, сильно нуждавшійся въ ремонтѣ, онъ заѣзжалъ въ гости къ своему тестю, въ Шведтъ. Задушевной мыслью императора было устроить съѣздъ, всѣхъ трехъ государей, охранявшихъ «традиціи законности» отъ «духа времени». Но прусскій король заблаговременно уклонился отъ этого съѣзда, выставивъ предлогъ, въ глазахъ его зятя несокрушимый: необходимость присутствовать именно въ это самое время на маневрахъ. Уважая силу этого аргумента, русскій государь не могъ, однако же, вполнѣ освободиться отъ нѣкоторыхъ подозрѣній и въ Шведтѣ потребовалъ, чтобы его

[1]) *Щербатовъ*, «Ген.-фельдм. кн. Паскевичъ», т. V стр. 204 и 215 франц. перевода.

сопровождалъ въ Австрію, по крайней мѣрѣ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, къ маневрамъ отношенія не имѣющій. Каково же было его удивленіе, когда этотъ министръ, Ансильонъ, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, мотивировавъ послѣдній тѣмъ, что поѣздка въ Мюнхенгрецъ представителя Фридриха Вильгельма III «несовмѣстима съ достоинствомъ прусской короны». Трудно изобразить негодованіе Николая Павловича, когда онъ услыхалъ подобныя вещи. Сомнѣваться въ недоброжелательствѣ прусскаго кабинета болѣе не было возможности. Оставалось выяснить, пользуется ли этотъ кабинетъ довѣріемъ своего государя. Но это было не такъ-то легко. Король—тесть «избѣгалъ всякихъ серьезныхъ разговоровъ съ императоромъ, встрѣчался съ нимъ только въ семейномъ кругу и, обнаруживая по отношенію къ нему самыя нѣжныя отеческія чувства, тщательно уклонялся отъ бесѣдъ на политическія темы». Николай былъ такъ огорченъ всѣмъ этимъ, что даже захворалъ. А, вернувшись въ Россію, при первомъ же случаѣ показалъ, что онъ хорошо помнитъ пережитыя огорченія. Когда, за параднымъ обѣдомъ въ день рожденія одного изъ членовъ прусской королевской фамиліи, пили за здоровье послѣдняго, Николай обернулся къ сосѣднему рядомъ съ нимъ Орлову и громко сказалъ: «А я, генералъ, пью за ваше здоровье». У императрицы Александры Ѳеодоровны слезы навернулись на глазахъ... [1]).

Слуги часто обнаруживаютъ чувства своихъ господъ гораздо рѣзче, чѣмъ сами эти послѣдніе. Десять лѣтъ спустя послѣ этой сцены, именно Орловъ, вновь сопровождавшій своего государя въ одной изъ безчисленныхъ его поѣздокъ въ Берлинъ, писалъ оттуда Паскевичу: «Имѣю честь вамъ доложить, что насъ осыпаютъ любезностями и приглашеніями; по внѣшности все превосходно, но я не отвѣчаю за то, что есть на сердцѣ: они, кажется, боятся, какъ бы мы ихъ не бросили совсѣмъ(!). Вчера былъ смотръ, сегодня ученье. Имъ нечему насъ учить, ихъ новая форма театральна, настоящій маскарадъ... Съ упраздненіемъ прежняго мундира исчезли послѣднія воспоминанія объ ихъ славѣ» [2]). Разсужденія этого человѣка, отождествлявшаго военную славу съ покроемъ мундира, можно счесть простодушными: нужно, однако, вспомнить, что не кто другой, какъ Орловъ, заключалъ Хункіаръ—Искелесскій договоръ, едва не отдавшій столь знаменитые нынѣ Проливы въ руки Россіи, и что онъ же представлялъ потомъ Россію на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., гдѣ

[1]) Schiemann, Geschichte Russlands u. Kaiser Nikolaus I, B. III, s. 233—4 и 243.

[2]) *Щербатовъ*, ibid. 224—5.

его можно было обвинить въ чемъ угодно, только не въ простодушіи. Но у насъ есть гораздо болѣе систематическія изъявленія чувства того же рода, вышедшія изъ-подъ пера человѣка, если и не геніальнаго, то ужъ, конечно, не простодушнаго: министра иностранныхъ дѣлъ Николая I, гр. Нессельроде. Письма этого послѣдняго къ бар. Мейендорфу, когда тотъ былъ посломъ въ Берлинѣ [1]), представляютъ собою въ высшей степени любопытную коллекцію отзывовъ и характеристикъ, какія давалъ этотъ довѣреннѣшій человѣкъ русскаго императора ближайшимъ «друзьямъ» Россіи. Одно изъ первыхъ же писемъ въ этомъ ряду сообщаетъ намъ, какъ нѣчто «безспорное и неподлежащее сомнѣнію», что «пруссаки имѣютъ особенный талантъ портить самыя лучшія дѣла; имъ нельзя даже сдѣлать подарокъ—они и тутъ найдутъ средство принять его съ надутымъ видомъ и подлить уксусу даже туда, гдѣ медъ течетъ черезъ край» (письмо отъ 21 іюля 1842 г.). Одно изъ позднѣйшихъ говоритъ объ августѣйшемъ шуринѣ его императорскаго величества: «Нашъ добрый прусскій король не перестаетъ дѣлать, говорить и писать глупости, отравляя тѣмъ существованіе намъ обоимъ, и мнѣ, и императору» (письмо отъ 25 ноября 1850 г.). Въ промежуткѣ мы узнаемъ, что «наши пруссаки, какими бы архи-интеллигентными они себя ни считали, въ дѣйствительности замѣчательно неловки и абсолютно лишены такта»; что они «грошевики (grippe-sous)», неспособные оцѣнить благородства русскаго государя — и что съ ними нужно «торговаться, какъ съ евреями»; что ихъ надменность «не знаетъ болѣе границъ»: то же самое, ядовито прибавляетъ Нессельроде, «было наканунѣ Іены». Все это достойно завершается вздохомъ сожалѣнія, что въ Петербургъ не ѣдетъ ни одинъ изъ австрійскихъ генераловъ (дѣло было послѣ Венгерской кампаніи—Мейендорфъ былъ въ это время посломъ уже въ Вѣнѣ). «Мы видимъ, увы! только пруссаковъ; вотъ еще какой-то генералъ Грабовъ пріѣхалъ поздравлять съ юбилеемъ» (двадцатипятилѣтіемъ царствованія Николая Павловича—письмо отъ 19 дек. 1850 г.).

Чтобы воспроизвести этотъ тонъ, пришлось бы дѣлать выписки

---

[1]) «Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode (1760—1856), extraits de ses archives etc avec une introduction par le comte A. de Nesselrode», Paris (sans année), A. Lahure, edit, vol. 1—IX. Фактически изданіе выходило между 1908—1912 гг. И рецензенты, и самъ издатель согласны въ томъ, что изданіе не сообщило ни одного факта, абсолютно новаго: что и неудивительно, ибо Нессельроде передъ смертью передалъ хранившіяся у него секретныя политическія бумаги, изъ рукъ въ руки, имп. Александру II. Оставшаяся частная переписка (изъ которой опять-таки кое-что было сожжено старымъ канцлеромъ передъ смертью, а кое-что и гораздо ранѣе, немедленно по прочтеніи) даетъ тѣмъ не менѣе драгоцѣнный матеріалъ для характеристики *настроеній* николаевской дипломатіи.

чуть не изъ каждаго письма; онъ выдержанъ безподобно—совершенно ясно, что все это шло отъ души: притворяться нужда заставляла иногда въ противоположномъ направленіи. Если бы переписка Нессельроде съ Мейендорфомъ попала въ руки человѣка, ничего не знающаго о «традиціонной дружбѣ» Россіи и Пруссіи, онъ неизбѣжно заключилъ бы, что рѣчь идетъ о самомъ непріятномъ сосѣдѣ имперіи Николая I. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ», говоритъ пословица. Какъ относился самъ этотъ сосѣдъ къ Россіи? Мы видѣли, что Орловъ не чувствовалъ никакого довѣрія къ прусскимъ симпатіямъ. Нессельроде въ одномъ изъ писемъ идетъ гораздо дальше: «*ненависть противъ насъ Пруссіи* дошла до размѣровъ настоящаго безумія» (est devenue un veritable vertige), читаемъ мы въ письмѣ къ Мейендорфу отъ 14 января 1843 г. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ Австрія «изумила міръ неблагодарностью» въ 1854 г. Далеко менѣе широко извѣстно, что Пруссія имѣла всѣ шансы «изумить міръ» лишь чуть-чуть въ болѣе слабой степени, если бы были опубликованы нѣкоторые документы, секретные въ свое время, и до сихъ поръ извѣстные лишь изъ вторыхъ рукъ. Уже въ самомъ началѣ кризиса, приведшаго къ Севастополю, у Нессельроде являлись сомнѣнія относительно политической позиціи, которую займетъ Пруссія. «Если Австрія выступитъ, въ самомъ дѣлѣ, противъ насъ», писалъ онъ 3 марта 1854 г. «надо посмотрѣть, что сдѣлаетъ Пруссія. Тамъ противъ насъ сильная партія, во главѣ которой находится принцъ прусскій [1]) (horreur des horreurs! не могъ не прибавить писавшій: такъ чудовищно даже ему показалась эта комбинація—брата русской императрицы во главѣ сторонниковъ войны съ Россіей). «Король, Герлахъ, армія превосходны» успокаиваетъ себя глава русской дипломатіи: «и даже Мантейфель (прусскій министръ иностр. дѣлъ) лучше, чѣмъ его изображаетъ Будбергъ» (русскій посолъ). Но относительно Мантейфеля черезъ недѣлю пришлось разочароваться: «Мантейфель сдѣлался по отношенію къ намъ хуже, чѣмъ Буоль (австрійскій министръ). Что вы хотите—неблагодарность на очереди дня...» (9 марта того же г.). Въ европейской литературѣ давно уже имѣются сообщенія, что послѣдній ударъ Россіи, заставившій ее пойти въ Парижъ просить прощенія у Европы, нанесла, собственно, не столько Австрія, сколько Пруссія. Австрійскій ультиматумъ, быть можетъ, былъ бы еще отвергнутъ, если бы одновременно съ нимъ не явилось въ Петербургъ частное письмо Фридриха Вильгельма IV имп. Александру II, не оставлявшее надеждъ не только на поддержку, но даже на ней-

[1]) Будущій императоръ Вильгельмъ I.

тралитетъ Пруссіи. Изложимъ дѣло словами одного автора, уже весьма не новаго (его книга вышла, первымъ изданіемъ, въ 1888 г.) но имѣющаго ту цѣну, что онъ былъ почти очевидцемъ событій. «Кризисъ приближался къ концу. Языкъ, которымъ говорили гр. Эстергази и, въ особенности, лордъ Блумфильдъ (австрійскій и англійскій послы въ Берлинѣ) произвелъ свое дѣйствіе. Король былъ чрезвычайно встревоженъ; онъ видѣлъ уже Пруссію изолированной, блокированной, исключенной изъ числа державъ, которыя воспользуются благами мира, онъ не могъ утѣшиться, что послушался совѣтниковъ, рекомендовавшихъ ему держаться въ сторонѣ. Психологическій моментъ наступилъ, министръ (Мантейфель) на лету схватилъ случай устранить послѣднія сомнѣнія своего государя и доставить торжество идеи вмѣшательства. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ героическое рѣшеніе, онъ написалъ настоятельное письмо императору Александру и приказалъ своему послу оффиціально объявить гр. Нессельроде, что, если Россія отвергнетъ формулированныя Австріей условія мира, онъ (прусскій посолъ) будетъ поставленъ въ печальную необходимость уѣхать изъ Петербурга. Всѣ шансы новаго поворота счастія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, исчезли для Россіи...» [1]).

Русскій историкъ событій, проф. Мартенсъ [2]), категорически опровергаетъ эту версію; но его главный доводъ—отсутствіе въ доступномъ *ему* матеріалѣ соотвѣтствующаго документа—есть явное недоразумѣніе: странно было бы искать интимной переписки государей въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Авторъ же выписанныхъ выше строкъ былъ во время Крымской войны секретаремъ французскаго посольства въ Берлинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошимъ личнымъ знакомымъ Мантейфеля—стало быть, имѣлъ всю возможность знать то, о чемъ говорилъ. Онъ не ограничивается приведенной нами общей характеристикой: онъ приводитъ детали, отчасти опирающіяся на документы, и въ томъ числѣ такую, какъ выработка прусскимъ штабомъ, совмѣстно съ австрійскимъ, плана кампаніи противъ Россіи [3]). Правда, за слишкомъ большую конкретизацію этого плана (были намѣчены командующіе генералы, сплошь изъ анти-русской партіи) военный министръ фонъ-Бонинъ получилъ отставку: нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ IV все время подвергался давленію съ двухъ сторонъ. Но что въ концѣ 1855 г. надъ нимъ взяла верхъ сторона враждебная Россіи, это подтвердили новѣй-

---

[1]) G. Rothan. «La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée». p. 240.
[2]) См. Собраніе трактатовъ etc., т. VIII, стр. 458.
[3]) См. Rothan, p. 126.

шія разысканія во французскихъ архивахъ. Франція была очень недовольна тѣмъ, что Пруссія не согласилась формально выступить, какъ ея союзница, подобно Австріи (проектъ союзнаго франко-прусскаго договора была готовъ уже въ январѣ 1855 г.), отсюда отношеніе французской дипломатіи къ прусской было чрезвычайно скептическое. Тѣмъ цѣннѣе указаніе, находящееся въ одной депешѣ французскаго посла въ Берлинѣ, маркиза Мустье, что, по оффиціальному заявленію, сдѣланному послу Мантейфелемъ, въ Петербургъ было отправлено письмо «очень энергичное, совсѣмъ не въ томъ тонѣ, котораго мы обычно держимся» [1]). Мустье этого было мало—ему нужно было, чтобы не письмо Фридриха-Вильгельма пошло въ Петербургъ, а его армія пошла къ русской границѣ. Но въ Петербургѣ считали себя въ правѣ разсчитывать на появленіе прусской арміи на Рейнѣ, противъ Франціи—и «слишкомъ слабое», по мнѣнію французовъ, письмо могло произвести въ русскихъ сферахъ впечатлѣніе громового удара.

Изъ воспоминаній Бисмарка мы знаемъ, что партія, подъ вліяніемъ которой находился будущій Вильгельмъ I, имѣла въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ раздѣлъ Россіи. Никогда не имѣла такого жгучаго интереса эта страница воспоминаній, какъ въ наши дни. Россія должна была потерять «остзейскія губерніи, со включеніемъ Петербурга,—онѣ должны были отойти къ Пруссіи и Швеціи,—всю область бывшей польской республики въ ея максимальныхъ предѣлахъ, при чемъ оставшееся должно было быть раздѣлено на двѣ части—Великоруссію и Малороссію» [2]). Самъ Вильгельмъ представлялъ себѣ задачи прусскаго вмѣшательства иначе. Онъ говорилъ Бисмарку, вызванному изъ Франкфурта въ Берлинъ въ роли какъ бы третейскаго судьи между антирусской и руссофильской партіями: «выскажитесь такъ, какъ требуетъ не только европейское положеніе, но и правильно понятая дружба къ Россіи. Россія вызываетъ противъ себя на бой всю Европу и въ концѣ-концовъ погибнетъ. Всѣ эти великолѣпныя войска (это было послѣ неудачныхъ для русскихъ сраженій подъ Севастополемъ), всѣ наши друзья, которые тамъ остались, были бы еще живы, если бы мы вовремя вмѣшались и принудили Россію къ миру». «Можетъ кончиться тѣмъ, что Россія, нашъ старый другъ и союзникъ, будетъ уничтожена или тяжко пострадаетъ. Задача, возложенная на насъ провидѣніемъ, состоитъ въ томъ, чтобы властно (dictatorisch)

[1]) Fr. Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III», P. 1913, p. 69.
[2]) «Gedanken u. Erinnerungen» I, 110.

возстановить миръ и спасти нашего друга, хотя бы противъ его воли»[1]). Но не нужно забывать, что Бисмаркъ былъ однимъ изъ столповъ руссофильской политики, и что принцу прусскому трудно было бы привлечь его на свою сторону проектами разгрома и раздѣла Россіи: сколько было въ словахъ Вильгельма искренности и сколько дипломатіи, рѣшить не такъ легко. Бисмаркъ даетъ понять, что подъ его вліяніемъ анти-русская интрига потерпѣла крушеніе (передъ русскими повѣренными въ дѣлахъ во Франкфуртѣ онъ выставлялъ эту свою заслугу еще опредѣленнѣе, чѣмъ сдѣлано это въ мемуарахъ). Эта самооцѣнка будущаго канцлера вполнѣ, и даже не безъ жара, подтверждается русскимъ историкомъ событій: изъ обнародованныхъ донесеній Бисмарка, говоритъ проф. Мартенсъ, «видно, что представитель Пруссіи энергическимъ образомъ боролся противъ австрійскаго вліянія и поддерживалъ постоянно интересы Россіи». [2]) За свой образъ дѣйствій Бисмаркъ удостоился оффиціальнаго выраженія «искренней признательности» еще со стороны императора Николая I. Тѣмъ любопытнѣе посмотрѣть, что же именно этотъ патентованный руссофилъ предлагалъ своему королю вмѣсто войны съ Россіей. Когда Пруссія и Австрія заключили между собою оборонительный союзъ (20 апрѣля 1854 г.), направленный противъ Россіи, само собою разумѣется я, разсказываетъ Бисмаркъ, считалъ возможнымъ сосредоточить въ Силезіи не 66.000 чел. (цифра, условленная договоромъ), а 100 или даже 200 тысячъ, такъ, «чтобы наши войска были въ состояніи съ одинаковою легкостью перейти русскую или австрійскую границу». «Съ 200.000 чел. его величество моментально сталъ бы хозяиномъ всего европейскаго положенія, продиктовалъ бы условія мира и доставилъ бы Пруссіи достойное ея положеніе въ Германіи». Бисмаркъ совершенно опредѣленно подчеркиваетъ далѣе, что стать на сторону Россіи или на сторону Австріи вполнѣ зависѣло бы отъ обстоятельствъ: «обѣ арміи (австрійская и русская) уравновѣшивали другъ друга, и для Пруссіи было возможно своимъ содѣйствіемъ дать перевѣсъ той или другой изъ нихъ». По словамъ автора мемуаровъ, Фридрихъ Вельгельмъ былъ живо затронутъ убѣжденнымъ тономъ своего совѣтника, но основное качество этого государя, нерѣшительность, взяло верхъ. Выслушавъ до конца, онъ разсмѣялся и сказалъ на берлинскомъ діалектѣ: «Все это прекрасно, милый мой, только мнѣ не по карману. Такіе удары

---

[1]) Ibid. 113—4.

[2]) «Собраніе Тракт. и Конвенцій», VIII 4400 сл. Какъ извѣстно, изданные въ этомъ сборникѣ документы сопровождаются обширными комментаріями проф. Мартенса.

могъ бы наносить Наполеонъ, а не я»[1]). Если бы добродушный король дожилъ до нашихъ дней, онъ убѣдился бы, что вовсе не нужно быть Наполеономъ, чтобы торговать своимъ нейтралитетомъ. Но въ 1854 г. люди были еще наивны.

Мы видимъ, что если русское правительство оффиціально восхваляло потомъ поведеніе прусскаго во время севастопольской войны[2]), то это было не столько данью исторической истины, сколько результатомъ того, необычайно тугого положенія, въ какое попала Россія въ 1856 г. Нужно было сохранить для себя—и для другихъ—иллюзію, что у насъ все же есть «вѣрные союзники». Но самые «вѣрные союзники» были свободны отъ всякихъ иллюзій. «Я, какъ и вы, убѣжденъ, что Россія не дѣлаетъ никакихъ серьезныхъ усилій, чтобы обезпечить наше участіе въ конференціи»—писалъ Бисмаркъ Мантейфелю по поводу допущенія Пруссіи на Парижскій конгрессъ (письмо отъ 16 февраля 1856 г.). «Изъ разговоровъ съ Брунновымъ (русскимъ уполномоченнымъ) я вижу, что наше исключеніе было бы болѣе на руку русской дипломатіи, чѣмъ наше допущеніе». Оффиціальный историкъ этой дипломатіи можетъ, сколько угодно, возмущаться «мнѣніемъ» французскихъ авторовъ, аналогичнымъ мнѣнію Бисмарка: фактъ, что Пруссія попала въ 1856 г. въ Парижъ по приглашенію, весьма сухому сначала, позже слегка подсахаренному, Франціи, а не Россіи. И не менѣе фактъ, что тотчасъ послѣ конгресса «руссофилъ» Бисмаркъ, не устававшій научать своего короля энергической внѣшней политики, предлагалъ начать новую эру съ самаго энергическаго натиска въ сторону Даніи, съ цѣлью отобрать у послѣдней Голштинію и Шлезвигъ: т.-е. съ продолженія того, что едва не довело Россію и Пруссію до войны въ 1848—50 гг.[3]).

Датско-прусскій споръ 1848—1850 г. по формѣ возникъ изъ государственно-правового кризиса, вопроса, во-первыхъ, о престолонаслѣдіи, во-вторыхъ, о конституціи въ самой Даніи, съ одной стороны, въ династически связанныхъ съ датскою короной Шлезвигѣ и Голштиніи, съ другой. По существу это было столкновеніе двухъ націонализмовъ, одинаково выросшихъ на почвѣ движенія, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго была германская революція 1848 г. Объектомъ борьбы былъ Шлезвигъ, когда-то безусловно датскій, въ концѣ среднихъ вѣковъ сильно колонизованный нѣмцами, но сохранившій мѣстами сплошное датское населеніе, на сѣверѣ даже преобладавшее. Непосредственнымъ

---

[1]) «Gedanken u. Erinnerungen», 97 и сл.
[2]) Мартенсъ, ibid. c. VIII.
[3]) Мартенсъ, ibid. 458; Rothan, гл. XXV—XXVIII и приложенія p. 391.

конкурентомъ Даніи была, сплошь нѣмецкая, Голштинія, но на сторонѣ послѣдней было общественное мнѣніе всей Германіи, уже за нѣсколько лѣтъ до открытаго конфликта высказывавшееся весьма опредѣленно (резолюція баденскихъ палатъ въ 1846 г.). Соціальный строй Голштиніи, подобно всѣмъ сѣверо-нѣмецкимъ землямъ, былъ аристократическій: во главѣ анти-датскаго движенія шло голштинское юнкерство, а органомъ движенія были старые сословные «чины». Въ Даніи, наоборотъ, рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ буржуазіи, и датская конституція 1848 г., которую датскіе націоналисты твердо рѣшили провести и въ Шлезвигѣ, носила опредѣленно выраженный демократическій отпечатокъ. Императору Николаю I, повидимому, должны были быть одинаково антипатичны оба движенія: нѣмецкое, потому что оно являлось отзвукомъ «преступной идеи», какъ выражалась одна тогдашняя оффиціальная бумага,—идеи объединенія Германіи; датское, потому что оно было буржуазно-демократическимъ. Онъ, казалось бы, долженъ былъ занять по отношенію къ спору нейтральное положеніе, болѣе дружественное въ сторону нѣмцевъ, во-первыхъ, въ силу своихъ прусскихъ симпатій, во-вторыхъ потому, что здѣсь были, какъ никакъ, дворяне, а тамъ адвокаты и лавочники. На самомъ дѣлѣ, Николай сталъ рѣшительно на сторону датчанъ, оказавъ имъ вооруженную поддержку на морѣ, и не оказалъ такой же на сушѣ только въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ: тогда какъ вождя голштинскихъ «инсургентовъ», бывшаго прусскаго генерала фонъ-Виллизена, онъ очень желалъ видѣть повѣшеннымъ; поддержка же, оказанная «инсургентамъ» Пруссіей, едва не повела къ русско-прусской войнѣ.

Чтобы объяснить такую, далеко не само собою разумѣющуюся, позицію русскаго правительства въ шлезвигъ-голштинскомъ кризисѣ 1848—50 гг., русскій историкъ довольствуется обычнымъ клише: Николай Павловичъ видѣлъ въ голштинцахъ «бунтовщиковъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ законнаго своего государя, короля датскаго» [1]). О стоявшей за спиной этого короля датской буржуазіи, съ ея демократическими настроеніями, русскій государь, какъ будто, такимъ образомъ, ничего не вѣдалъ; о конституціонномъ спорѣ, породившемъ въ свое время цѣлую литературу, онъ не подозрѣвалъ—и ему казалось, должно быть, не вызывающимъ сомнѣній, что «право» именно на сторонѣ копенгагенскихъ революціонеровъ. Такое объясненіе годится болѣе для дипломатически-канцелярской отписки, нежели для

[1]) Мартенсъ, цит. соч., стр. 374.

ученаго трактата, имѣющаго что-то доказать и въ чемъ-то убѣдить своихъ читателей. Своего рода двойникъ проф. Мартенса, полуоффиціальный историкъ возникновенія германской имперіи, справедливо усмотрѣлъ вопросъ тамъ, гдѣ для его русскаго предшественника все было ясно само собою. Онъ признаетъ колоссальное значеніе датскаго кризиса для русско-прусскихъ отношеній тѣхъ дней, неоднократно возвращается къ этой темѣ, но, кромѣ трафарета «законности», умѣетъ прибавить лишь одинъ мотивъ: династическіе интересы русскаго дома, разсчитывавшаго, будто бы, путемъ нѣкоторыхъ комбинацій, если не вернуть себѣ давно утраченную Голштинію, то, по крайней мѣрѣ, приблизить ее къ себѣ[1]). Въ перепискѣ Нессельроде встрѣчаются указанія на этотъ династическій вопросъ; два раза тамъ упоминается о возможной кандидатурѣ на датскій престолъ родственника русской царской фамиліи, герцога Ольденбургскаго (точнѣе, его сына, наслѣднаго принца). Чрезвычайно характерно, что въ первый разъ (письмо отъ 20 окт. 1849 г.) принцъ Ольденбургскій является передъ нами въ качествѣ *англійскаго* кандидата: былъ, значитъ, пунктъ, гдѣ интересы вѣчныхъ, казалось, соперниковъ, императора Николая I и Англіи Пальмерстона, могли сойтись! Но Нессельроде, должно быть, именно поэтому кандидатъ показался подозрительнымъ, несмотря на его родственныя связи, — рѣшительно предпочиталъ принца Христіана Глюксбургскаго (который впослѣдствіи и занималъ датскій престолъ, съ именемъ Христіана IX). Тогда, однако, русскій канцлеръ не затрагивалъ еще этого вопроса въ разговорахъ со своимъ императоромъ (письмо отъ 7 ноября): когда дѣло дошло до Николая, послѣдній отдалъ предпочтеніе своему родственнику — англійскія симпатіи его не оттолкнули (письмо 9 янв. 1850). Что, однако же, и Николай Павловичъ капитальнаго значенія вопросу не придавалъ, показываетъ та легкость, съ какою русское правительство поспѣшило признать Христіана Глюксбургскаго, разъ на немъ стали настаивать сами датчане: Россія опередила, въ этомъ отношеніи, всѣ европейскія державы (русское признаніе состоялось 5 іюля 1851 г., другія державы присоединились къ нему только въ маѣ слѣдующаго года). Едва ли можетъ быть сомнѣніе относительно мотивовъ, какими руководился здѣсь русскій дворъ: будущій Христіанъ IX былъ единственнымъ нѣмецкимъ принцемъ, который въ кризисѣ 1848—50 гг. остался на *датской* сторонѣ и даже во время датско-прусской войны продолжалъ носить датскую форму. Принцъ глюксбург-

[1]) Sybel. «Die Begründung der Deutschen Reiches durch Wilhelm I» passim, особ. 386 стр. I т.

скій былъ внѣ подозрѣній по отношенію къ «преступной идеѣ»— это, въ личномъ вопросѣ, было главное. Но уже Мартенсъ даетъ текстъ, позволяющій намъ подойти гораздо глубже всяческихъ личныхъ вопросовъ. Когда прусская армія, разбивъ датчанъ въ Шлезвигѣ, готовилась вступить на коренную датскую территорію, русскій посланникъ въ Берлинѣ заявилъ прусскому правительству, что дальнѣйшее движеніе прусскихъ войскъ *«нанесетъ тяжелый ударъ интересамъ всѣхъ прибрежныхъ на Балтійскомъ морѣ державъ* и нарушитъ послѣдствіями вторженія политическое равновѣсіе, установленное трактатами на всемъ сѣверѣ Европы. Россія не можетъ допустить такой случайности»[1]). Тогда именно Пруссіи и дано было понять самымъ яснымъ образомъ, что переходъ собственно датской границы Россія будетъ разсматривать, какъ casus belli.

Упоминаніе объ «интересахъ балтійскихъ державъ» отнюдь не было дипломатической фразой, благовиднымъ прикрытіемъ мотивовъ совершенно иного рода. Просматривая *частную* переписку Нессельроде, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что «балтійскій вопросъ», дѣйствительно, стоялъ въ центрѣ всей датской политики Россіи во время кризиса: оттого и оказывалось возможно, въ отдѣльные моменты, совпаденіе взглядовъ Пальмерстона и Николая I. И для Россіи, и для Англіи одинаково было важно, чтобы проливы, соединяющіе Балтійское море съ Сѣвернымъ, были въ рукахъ одной изъ *мелкихъ* европейскихъ державъ; переходъ ихъ въ руки великой военной державы, какой уже и тогда была Пруссія, отдавалъ балтійскую торговлю Англіи на жертву прусскому произволу, а для сѣверной Россіи, съ Петербургомъ во главѣ, означало возможность быть отрѣзанной въ любой моментъ отъ Западной Европы; желѣзные пути были тогда въ зачаткѣ— да и вели они черезъ ту же Пруссію. «Датскій вопросъ становился крайне стѣснительнымъ для насъ» писалъ Нессельроде Мейендорфу 27 апрѣля 1848 г. *«Не въ нашемъ интересѣ допустить разгромъ датской монархіи у нашихъ дверей.* А если мы примемъ сильныя мѣры, чтобы энергично поддержать Данію, въ родѣ, напримѣръ, появленія нашего флота у прусскихъ береговъ, мы рискуемъ поднять противъ себя всю Германію, и *снова разбудить симпатіи къ Польшѣ*, которыя только что едва угасли». Въ рѣдкомъ документѣ можно найти такой клубокъ основныхъ линій николаевской политики! Цѣпи, надѣтыя на Польшу, держали сторожей не менѣе крѣпко, чѣмъ самое узницу. Но о Польшѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить. Какъ ни опа-

[1]) *Мартенсъ.* ibid., 375. Французскій оригиналъ депеши гораздо грамотнѣе и выразительнѣе русскаго перевода.

сался Нессельроде послѣдствій появленія русскаго флота у береговъ Пруссіи, этотъ критическій моментъ быстро приближался. «Вел. кн. Константинъ сѣлъ на корабль вчера и отправляется въ Стокгольмъ», сообщаетъ одно изъ писемъ мая 1848 г. «Одна изъ дивизій нашей эскадры встала подъ паруса въ Ревелѣ и будетъ крейсировать въ Балтійскомъ морѣ. Кн. Меньшиковъ сопровождаетъ великаго князя на случай, если бы морское вмѣшательство съ нашей стороны въ шлезвигскомъ дѣлѣ стало неизбѣжнымъ» «Я все еще надѣюсь, успокаиваетъ себя Нессельроде, что до этого не дойдетъ, и что въ Берлинѣ послушаются».

Оффиціальный историкъ русской дипломатіи хотѣлъ бы, чтобы послушаніе было немедленнымъ — и тотчасъ же послѣ «серьезныхъ заявленій» русскаго правительства—прусское у него заключаетъ перемиріе съ Даніей, въ Мальмё. Но достаточно сблизить даты (*апрѣль* и *августъ* 1848 г.), чтобы увидать, что дѣло шло не такъ просто и гладко. До какого глубокаго отчаянія доходили въ Петербургѣ въ промежутки между этими датами, показываетъ одно изъ писемъ Нессельроде, относящееся къ концу этого промежутка—когда дававшіяся имъ впечатлѣнія достигли максимальнаго напряженія. «Съ своей стороны, я уговариваю, насколько могу, датчанъ и шведовъ подождать, писалъ канцлеръ Мейендорфу 12 августа 1848 г., но у меня часто не хватаетъ аргументовъ, чтобы доказать имъ, въ особенности, что Пруссія дѣйствуетъ добросовѣстно и не ведетъ двойной игры...» Приведя пару примѣровъ, подозрительныхъ въ этомъ отношеніи, Нессельроде продолжаетъ: «Вы все это знаете лучше меня, и если я привожу эти сплетни, то только, чтобы показать вамъ, какъ раздражены съ той стороны. Императоръ раздраженъ не менѣе. Онъ думаетъ, и, можетъ быть, не безъ основанія, что ничего добраго не будетъ, пока царствуетъ король (Фридрихъ Вильгельмъ IV): *онъ видитъ спасеніе для Пруссіи только въ его отреченіи.* Многіе разумные люди въ Берлинѣ думаютъ тоже самое; но какъ добиться этого отреченія? Одинъ Богъ это знаетъ; я не могу себѣ позволить имѣть мнѣніе по такому поводу. По доброй волѣ король этого не сдѣлаетъ, а принудить его силой, значитъ прибѣгнуть къ революціоннымъ путямъ, отъ которыхъ въ ужасѣ отшатнется всякая честная душа. Необходимость воевать съ Пруссіей изъ-за Шлезвига очень тяжела, но я не вижу, какъ мы ея избѣжимъ...»[1]) До сихъ поръ было извѣстно, что Николай I уговаривалъ одного изъ прусскихъ корпусныхъ командировъ, гр. Дона, пойти со своимъ корпусомъ на Берлинъ и разогнать тамъ ландтагъ; Николай обѣщалъ

[1]) Lettres et papiers, IX, pp. 142—3.

гр. Дона, въ случаѣ надобности, поддержку четырехъ русскихъ корпусовъ. Но что въ иныя минуты для него дѣло шло не объ одномъ ландтагѣ, это мы едва ли не впервые узнаемъ изъ переписки Нессельроде. И несомнѣнно отъ него мы узнаемъ, если не фактъ, то связь фактовъ другого рода. Что Николай Павловичъ, вопреки своей репутаціи, очень благосклонно отнесся ко второй французской республикѣ, это теперь можно считать твердо установленнымъ[1]). Поэтому, когда Нессельроде пишетъ, что «Ламартинъ дѣлаетъ намъ большіе авансы и *здѣсь ихъ не отвергаютъ*» (письмо отъ 8 мая 1848 г.; подчеркнуто въ оригиналѣ), онъ опять-таки еще не сообщаетъ намъ ничего абсолютно новаго. Но прочтите предыдущія строки. «По вашимъ (Мейндорфа) послѣднимъ письмамъ я вижу, что въ Берлинѣ начинаются побаиваться Франціи. *Это чувство можетъ быть спасительно*, такъ какъ оно должно внушить желаніе поскорѣе развязаться съ Даніей». Николай I, ждущій на помощь противъ своего шурина французскую республику, едва успѣвшую очистить улицы Парижа отъ февральскихъ баррикадъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе далекое отъ традиціонной схемы?

Воевать съ Пруссіей Россіи не пришлось, но Россія, это опять давно и хорошо извѣстно, была главной виновницей того безкровнаго пораженія Пруссіи, которое стоило проигранной войны и которое носитъ названіе «ольмюцкихъ пунктацій». У Пруссіи былъ конфликтъ не только съ Россіей, изъ-за Даніи, но и съ Австріей, формально изъ-за Гессена, фактически изъ-за попытки пруссаковъ объединить подъ своей гегемоніей всю конституціонную Германію. Возникшій на вѣнскомъ конгрессѣ «Германскій союзъ» палъ подъ ударами революціи 1848 г. Передъ Пруссіей была, такимъ образомъ, «чистая доска, на которой и должна была возникнуть новая Германія, не феодально-реакціонная, подъ главенствомъ Австріи, а національно-либеральная, съ Пруссіей во главѣ. Зачаткомъ ея служила «Унія» или «Союзъ трехъ королей» (Пруссіи, Саксоніи и Ганновера), возникшая 26 мая 1849 г. и объединившая около себя постепенно большую часть государства бывшаго Германскаго союза: къ ней отказались примкнуть Баварія и Виртенбергъ. Характерными признаками Уніи 26 мая было конституціонное устройство—наличность союзнаго народнаго представительства, организованнаго весьма недемократически—и исключеніе изъ состава «Германіи» Австріи, съ которою «Унія» въ цѣломъ предполагала заключить особое союзное соглашеніе. Австрія тогда—это былъ моментъ макси-

[1]) См. Edm. Bapst. «Les origines de la guerre de Crimée» Paris 1912.

мальнаго развитія венгерскаго возстанія—казалась совершенно разлагающейся. Обѣ основныя черты Уніи не могли быть симпатичны Николаю Павловичу, но особенно, повидимому, вторая; еще до возникновенія Уніи, при первыхъ извѣстіяхъ о новыхъ планахъ, бар. Мейендорфу поручено было заявить, что, по русскому представленію, «нѣтъ Германіи безъ Австріи»[1]). Случайно или нѣтъ, но объединительныя стремленія прусскаго правительства совпали съ обостреніемъ его отношеній къ Даніи: прусскій оккупаціонный корпусъ въ Голштиніи получилъ значительныя подкрѣпленія, а затѣмъ мальмёсское перемиріе было нарушено, и военныя дѣйствія начались снова (апрѣль 1849 г.). Вздохъ облегченія, вырвавшійся у императора Николая при извѣстіи о заключеніи перемирія («Уфъ! однимъ меньше!»), оказался, такимъ образомъ, преждевременнымъ. Приходилось начинать сызнова. Въ Берлинъ было отправлено энергическое собственноручное письмо (историкъ русской дипломатіи о немъ не упоминаетъ, но мы знаемъ объ этомъ отъ Нессельроде), и еще болѣе энергическія слова были сказаны прусскому посланнику въ Петербургѣ, ф. Рохову. «Тѣмъ не менѣе, я думаю, что мы выждемъ отвѣта на настоящую депешу, прежде чѣмъ занять враждебное положеніе относительно Пруссіи и Германіи», писалъ по этому поводу Нессельроде Мейендорфу[2]). Пока флотъ готовится выйти и оказать Даніи всѣ возможныя услуги для защиты острововъ, прибѣгая, однако, къ прямой блокадѣ германскихъ портовъ. Сказать вамъ правду, я думаю, что морскими операціями и должна будетъ ограничиться, на первое время, наша поддержка Даніи. Атаковать Пруссію и Германію на сухомъ пути было бы неблагоразумно въ такую минуту, когда у насъ на рукахъ настоящая война въ Венгріи». Прежде, чѣмъ бить «врага», необходимо было выручить изъ бѣды союзника: читатель согласится, что это письмо бросаетъ нѣсколько новый свѣтъ на происхожденіе Венгерской кампаніи 1849 г. Венгерцы оказались гораздо менѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ ожидали послѣ первыхъ неудачъ слабыхъ русскихъ отрядовъ, посланныхъ въ Трансильванію. Уже 16 августа того же 49 г. Нессельроде—еще въ концѣ іюля боязливо предвѣщавшій долгую и скучную кампанію и причитавшій объ «упорствѣ» венгерскихъ инсургентовъ—могъ возвѣстить россійскимъ представителямъ заграницей, что «венгерская война окончена». Пока она шла, относительно Пруссіи строго выдерживалась политика игнорированія. «Мы не будемъ ея раздражать»—

---

[1]) *Мартенсъ*, с. 378.

[2]) Письмо отъ 10 мая 1849 г., ошибочно помѣченное въ цитируемомъ изданіи 1848 г. Ср. стр. 95—97 и 233—235 IX-го тома.

писалъ Нессельроде въ маѣ 49 г. «Мы не примемъ противъ нея никакой, прямо враждебной, мѣры ни на сушѣ, ни на морѣ. Мы будемъ молча ее наблюдать и посмотримъ позже, что нужно будетъ сдѣлать. Придетъ время, мы еще ей понадобимся...» Но чего стоила эта сдержанность имп. Николаю и его дипломатамъ! Въ частной бесѣдѣ, въ интимной перепискѣ клокотавшія чувства иногда прорывались наружу. Прочтите конецъ предыдущаго письма Нессельроде къ Мейендорфу (которому приказано было уѣхать изъ Берлина въ продолжительный отпускъ, «по болѣзни»). «Отвѣтъ (Фридриха Вильгельма IV) на оффиціальное письмо императора есть совершенный вздоръ, соединенный съ видомъ собственнаго достоинства, совсѣмъ неумѣстнымъ въ такой моментъ, когда для Пруссіи дѣло идетъ о «быть или не быть». Частное письмо короля есть чистѣйшая безсмыслица; онъ утверждаетъ, что было бы постыдно приказать войскамъ отступать изъ Шлезвига передъ разбитымъ врагомъ. Мой Богъ, если есть позоръ и глупость во всемъ этомъ, они падаютъ на отвѣтственность прусскаго правительства, которое сперва начало эту несправедливую войну въ 1848 г., а потомъ допустило ея возобновленіе въ 1849 г.»[1]).

Сдавая венгерскую армію Паскевичу, Гёргей отдавалъ Пруссію въ руки ея враговъ. Съ Пруссіей заговорили тѣмъ языкомъ, какого она заслуживала. «Пруссія» говорилъ выздоровѣвшій бар. Мейендорфъ прусскому премьеру, гр. Бранденбургу, «не имѣетъ права стать во главѣ Германіи, и такая претензія въ сущности совершенно несостоятельна, какъ по праву, такъ и фактически, и даже противна собственнымъ интересамъ Пруссіи, которые только требуютъ такого вліянія на сѣверѣ Германіи, которое было бы достаточно сильно, для предупрежденія революціи»[2]). Люди только что написали все—германскую конституцію—а имъ презрительно указывали «ихъ мѣсто», мѣсто городового, да и то не во всей Германіи, а только въ сѣверной. Попытка Пруссіи быть хотя бы городовымъ для всей Германіи и дала поводъ ее окончательно «раздавить и уничтожить». Покончивъ русскими штыками съ Венгріей, Австрія тоже поспѣшила вернуться на «свое мѣсто»—и въ маѣ 1850 г. возстановила Германскій союзъ. Пруссія отказалась признать воскресшаго мертвеца; но ея союзницы уже бросили ее: Саксонія и Ганноверъ вышли изъ «союза трехъ королей» и соединились со стоявшими подъ австрійскимъ вліяніемъ Виртембергомъ и Баваріей. Созванный прусскими въ Эрфуртѣ «все-германскій» парламентъ (въ мартѣ 1850 г.) былъ распущенъ самой Пруссіей ранѣе окончанія его за-

[1]) Lettres et papiers, IX, 240.
[2]) Депеша Мейендорфа отъ 27 ноября 1849 г. *У Мартенса,* с. 380.

нятій. Съ появленіемъ вновь Австріи на сценѣ, дуновеніе реакціи пронеслось по всей Германіи — и курфюрстъ гессенскій поспѣшилъ воспользоваться воскресеніемъ «Бундестага», чтобы обратиться къ нему за помощью противъ своихъ подданныхъ, которые, правда, не возставали противъ него, но онъ противъ нихъ возсталъ, отмѣнивъ самодержавнымъ декретомъ конституцію, существовавшую въ Гессенѣ съ 1831 г. Черезъ Гессенъ проходили военныя дороги, связывавшія восточную и западную (при-рейнскую) половины тогдашней прусской монархіи: это дало поводъ прусскимъ войскамъ,«для поддержанія порядка» въ столь важномъ для Пруссіи пунктѣ, войти въ гессенское курфюршество, — гдѣ, впрочемъ, по заявленію весьма консервативнаго прусскаго историка, никакого нарушенія порядка, если не считать поведенія самого курфюрста, найти было нельзя[1]). Пруссаковъ населеніе приняло даже не безъ восторга—въ массахъ вѣра въ «освободительную миссію» Пруссіи продолжала еще жить долго послѣ того, какъ само прусское правительство забыло и думать объ этой миссіи. Уже это не могло понравиться Австріи; а затѣмъ, гессенскій курфюрстъ обратился за помощью, вѣдь, не къ Пруссіи, а къ Бундестагу. Отъ прусскаго правительства потребовали удаленія его войскъ изъ курфюршества, куда должны были вступить австрійскія и баварскія войска—не менѣе энергично, чѣмъ Николай Павловичъ, годъ назадъ, требовалъ удаленія прусскихъ войскъ изъ Шлезвига. Но тогда прусскій король могъ написать въ отвѣтъ «совершенную глупость» и продолжать войну съ Даніей; теперь времена были не тѣ. Пруссія была совершенно изолирована—мѣрой ея отчаянія можетъ служить тотъ фактъ, что въ Берлинѣ была пріемлемой мысль о союзѣ даже съ «наслѣдственнымъ врагомъ», съ Франціей. Нессельроде находилъ, «что это свидѣльств етъ объ утратѣ уже всякаго чувства собственнаго достоинства» прусскимъ правительствомъ[2]). Свой собственный флиртъ съ Ламартиномъ онъ успѣлъ, очевидно, забыть, а, быть можетъ, тутъ говорила и ревность... Относительно настроенія Россіи у пруссаковъ не могло быть никакихъ иллюзій. «Отъ Австріи зависитъ увлечь насъ на путь, которому она будетъ слѣдовать по отношенію къ Пруссіи»—говорилъ Мейендорфъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, Радовицу.—«Вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи—возможность, которую Пруссія должна имѣть въ виду. Въ противномъ случаѣ для Пруссіи приготовятъ такой же сюрпризъ, какимъ былъ походъ русскихъ войскъ въ Венгрію для мно-

---

[1]) Ср. Sibel. 1, 410.
[2]) Lettres et papiers, IX 279—80.

гихъ венгерцевъ[1])». Тѣмъ временемъ австро-баварцы шли въ Гессенъ, какъ будто никакихъ прусскихъ войскъ тамъ не было— и уже слышались выстрѣлы, жертвою которыхъ, впрочемъ, на первый случай стала только лошадь прусскаго трубача.

Поѣздка гр. Бранденбурга въ Варшаву, гдѣ тогда (въ октябрѣ 1850 г.) находился Николай I, была послѣдней попыткой добиться для Пруссіи хотя бы почетной капитуляціи. Николай отнюдь не кричалъ и не топалъ на прусскаго премьера, какъ разсказывали непосвященные люди и съ ихъ словъ легковѣрные историки. Онъ былъ, напротивъ, чрезвычайно милостивъ,—Бранденбургъ, одинъ изъ реакціоннѣйшихъ государственныхъ людей Пруссіи, лично пользовался всѣми его симпатіями,—и пожаловалъ прусскому министру орденъ Андрея Первозваннаго. Но онъ рѣшительно отказался вмѣшиваться въ распрю, ссылаясь на то, что это дѣло Австріи; Россія тутъ не при чемъ... Пруссіи давали понять, что она должна сдаться безъ условій. Если Бранденбургъ по возвращеніи изъ Варшавы умеръ отъ нервной горячки, у него были для этого достаточныя основанія—хотя «грубость» его высокаго собесѣдника и относится къ области легендъ. Въ маѣ 1849 г. въ той же Варшавѣ австрійскій премьеръ, кн. Шварценбергъ, съ тоскою искалъ у Николая и Нессельроде помощи и совѣта, ѣхать ему въ Берлинъ на поклонъ къ Бранденбургу, или нѣтъ. Ему отсовѣтовали, въ виду безнадежности шага при тогдашнихъ условіяхъ. Въ ноябрѣ 1850 г. преемникъ Бранденбурга, Мантейфель, съ неменьшею тоскою искалъ у русскаго посланника содѣйствія, чтобы быть допущеннымъ передъ лицо того же Шварценберга. Въ Берлинѣ сильно боялись, что «не приметъ». Мейендорфъ, который былъ теперь въ Вѣнѣ, не отказалъ въ услугѣ старымъ знакомымъ. Онъ представилъ Мантейфеля Шварценбергу и могъ быть свидѣтелемъ, что австріецъ принялъ пруссака даже «весьма учтивымъ образомъ» (какъ нашелъ нужнымъ отмѣтить самъ Мейендорфъ въ своемъ донесеніи). Затѣмъ онъ оставилъ новыхъ знакомыхъ однихъ: Россія, вѣдь, «не вмѣшивалась».... Вернувшись черезъ три часа, онъ нашелъ собесѣдниковъ въ тупикѣ. Мантейфель никакъ не могъ разстаться съ мечтой о «почетѣ», хотя бы гомеопатическомъ. Онъ не отказывался вывести прусскія войска изъ Гессена, но желалъ, чтобы это было *послѣ* подписанія прусско-австрійскаго соглашенія; чтобы свѣтъ видѣлъ, что съ Пруссіей все-таки «резонятся», что она тоже можетъ ставить свои условія. Но Шварценбергъ непремѣнно хотѣлъ поставить пруссаковъ передъ всей Европой въ положеніе

[1]) *Мартенсъ*, 381.

мальчиковъ, высѣченныхъ за дерзость: для престижа Австріи въ Германіи (онъ теперь далеко не былъ вещью, само собою разумѣющейся!) Шварценбергу непремѣнно нужна была картина отступленія прусскихъ войскъ передъ австрійскими и баварскими *безъ всякихъ условій*. Онъ настаивалъ, чтобы эвакуація Гессена— и оккупація его войсками бундестага— была не *результатомъ* соглашенія, а его *условіемъ*. Раньше этого онъ не соглашался ни о чемъ разговаривать.Мейендорфъ долженъ былъ слегка пожать плечемъ. Онъ представилъ свой проектъ соглашенія, лишній разъ показавшій прусскому министру, что пути Россіи и Австріи тождественны. На другой день «ольмюцкій позоръ» Пруссіи былъ скрѣпленъ подписью ея министра. А 11 декабря 1850 г. Нессельроде могъ писать Мейендорфу: «Два дня спустя послѣ полученія вашей депеши, Будбергъ (русскій посланникъ при прусскомъ дворѣ), извѣстилъ насъ о возвращеніи Мантейфеля въ Берлинъ и о ратификаціи соглашенія, состоявшагося въ Ольмюцѣ, несмотря на оппозицію принца прусскаго (Вильгельма) и Ладенберга» (послѣдняго изъ «либеральныхъ» министровъ, уцѣлѣвшихъ въ прусскомъ кабинетѣ). Само собою разумѣется, что всѣ симпатіи русскаго канцлера были на сторонѣ Шварценберга, уступчивости и мягкости котораго онъ не находилъ похвалъ. «Если эти уступки(!) обезпечиваютъ намъ сохраненіе мира и прекращеніе гессенскихъ и *датскихъ* осложненій, результатъ ихъ (уступокъ) будетъ громаденъ; въ противномъ случаѣ, и если война, все-таки, вспыхнетъ, несмотря на всѣ усилія ее избѣжать, образъ дѣйствій австрійскаго кабинета, столь умѣренный, столь миролюбивый, прибавитъ прекрасную страницу къ его манифесту» [1]). «Датскій» уголъ зрѣнія, такимъ образомъ, во всемъ этомъ дѣлѣ былъ для русской дипломатіи обязательнымъ,—что Нессельроде и высказалъ всѣми словами два мѣсяца спустя. Посѣтовавъ на то, что и послѣ даннаго имъ урока пруссаки все же продолжаютъ говорить и писать глупости, канцлеръ прибавляетъ: «въ данную минуту мы должны удовольствоваться радостью по поводу благопріятнаго разрѣшенія датскаго вопроса,—*единственнаго, въ которомъ мы прямо заинтересованы*» (письмо къ Мейендорфу отъ 25 февр. 1851 г.). Когда въ Берлинѣ это не сразу поняли, и пригласили Россію разоружиться немедленно послѣ подписанія ольмюцкаго соглашенія, это было разъяснено и Мантейфелю. «Императоръ, я надѣюсь, уполномочитъ меня отвѣтить», писалъ Нессельроде, «что наше разоруженіе послѣдуетъ лишь тогда, когда голштинскій вопросъ будетъ раз-

[1]) Lettres etc IX, pp. 16—17. Само собою разумѣется, что въ оригиналѣ всѣ письма Н-де написаны по-французски—мы даемъ переводъ.

рѣшенъ согласно съ правами Даніи, и авторитетъ законнаго государя будетъ окончательно возстановленъ въ обоихъ герцогствахъ» (письмо 19 дек. 1850). Императоръ же Николай склоненъ былъ не только прусскія, а и всѣ вообще германскія дѣла разсматривать съ той же точки зрѣнія. Вопросъ о признаніи воскресшаго «бундестага», столь колючій для Пруссіи и ея союзницъ, для него рѣшался какъ нельзя болѣе просто. «На докладѣ о германскихъ дѣлахъ, который я послалъ ему изъ Дрездена, онъ написалъ карандашомъ: «разъ миръ съ Даніей ратификованъ франкфуртской діэтой, я не вижу болѣе препятствій для присутствія нашего министра (при этой діэтѣ)» (письмо Нессельроде отъ 15 октября 1850).

«Большая политика» бываетъ, обыкновенно, лишь нѣкоторымъ осложненіемъ «маленькой». Предыдущія страницы, надѣемся, достаточно разсѣяли въ умѣ читателя предубѣжденіе, будто политика Николая Павловича во время германскаго кризиса 1848—50 гг. вдохновлялась, исключительно, «идеалистическими» соображеніями о «правѣ и законности», а не «реальными интересами Россіи». Но эти послѣдніе рѣдко подвергались такой экстренной опасности, какой была экспедиція прусскихъ войскъ въ Ютландію. На одинъ праздникъ приходится длинная вереница сѣрыхъ будней. Изъ-за нервныхъ хлопотъ о Шлезвигъ-Гольштейна, Венгріи, Гессенѣ эти будни рѣдко выглядываютъ: только разъ среди дипломатическихъ разсужденій «высшаго» порядка у Нессельроде вырывается фраза объ «этомъ еще таможенномъ вопросѣ», готовящемся въ видѣ послѣдней капли отравить чашу его бытія. Но таможенный вопросъ, отъ котораго такъ докучливо отмахивались, былъ своего рода «скелетомъ въ домѣ» русско-прусскихъ отношеній въ теченіе всего николаевскаго царствованія—и, что еще лучше, онъ былъ унаслѣдованъ Николаемъ Павловичемъ отъ своего предшественника, вмѣстѣ со священнымъ союзомъ. Не понявъ этого вопроса, мы никогда не поймемъ подкладки этой странной «дружбы», слегка напоминающей объ анекдотическомъ мальчикѣ, у котораго былъ только одинъ другъ, да и того онъ терпѣть не могъ. А, уяснивъ себѣ его, мы получимъ почти исчерпывающую характеристику русско-прусскаго «союза»—и, чтобы понять, почему это все-таки былъ союзъ, а не просто ссора, намъ придется разсмотрѣть только одну еще группу фактовъ, польскую. При чемъ послѣдняя была тысячами нитей связана съ первой: изъ-за Польши былъ «союзъ», но она же была и одной изъ главныхъ причинъ «конфликта». Одна изъ довольно обычныхъ антиномій исторіи, отъ которой напрасно требуютъ, иногда повиновенія формальной логикѣ. Послѣдняя существуетъ

для людей,—а объективные природные процессы, къ которымъ принадлежитъ и историческій, рѣдко ея стѣсняются.

II.

Весьма обычно представленіе, рисующее Николая I исключительно «дворянскимъ» царемъ. Онъ, дѣйствительно, любилъ называть себя «первымъ дворяниномъ въ государствѣ», а помѣщичью землю «нашей дворянской землей» (въ рѣчи, напр., на пріемѣ смоленскихъ дворянъ въ 1847 г.). Но подобныя же рѣчи случалось держать и его преемнику—а императрица Екатерина II была, во всякомъ случаѣ, несравненно болѣе «дворянской» государыней, чѣмъ они оба. Характерно, что говорились такія слова, обыкновенно, въ минуты, для дворянства не совсѣмъ пріятныя: Александромъ II во время освобожденія крестьянъ, Екатериной II—во время пугачевскаго бунта. Во всякомъ случаѣ, ничего индивидуально-характеристическаго въ подобныхъ рѣчахъ Николая Павловича не было. Его лично гораздо больше выдѣляетъ то, что онъ былъ первымъ на русскомъ престолѣ представителемъ «буржуазной монархіи», какъ любили говорить недавно. «Поощрять» торговлѣ и промышленности входило въ программу русской политики всегда, нельзя даже сказать «и Петра», потому что уже Иванъ Грозный награждалъ купцовъ своею царской «бологодѣтью». Но, исключая Петра, нельзя найти въ русской исторіи государя, который бы *лично* сталъ къ этому дѣлу такъ близко, какъ любившій, повидимому, только разводы и маневры младшій внукъ Екатерины II. Не то характерно, что при Николаѣ впервые завелись въ Россіи регулярныя мануфактурныя выставки: характернѣе, что одна изъ первыхъ была устроена въ самомъ дворцѣ. Въ 1830 г., когда Николай былъ въ Москвѣ, въ промежуткѣ между смотромъ Рязанскаго пѣхотнаго полка и разводомъ 30-го Егерскаго, «по изъявленному государемъ императоромъ наканунѣ желанію лично видѣть состояніе русской промышленности, находящимся въ Москвѣ (по особенному порученію министра финансовъ) чиновникомъ барономъ Мейендорфомъ, въ однѣ сутки устроена была въ залахъ дворца выставка произведеній московской промышленности. Тутъ находились московскіе фабриканты и заводчики». Приведя нѣкоторыя справочныя свѣдѣнія о составѣ выставки и статистическія данныя, казавшіяся грандіозными автору (московскому корреспонденту петербургской «Сѣверной Пчелы», тогдашняго офиціоза), и кажущіяся комически-миніатюрными намъ теперь, статья продолжаетъ: «Государь разсматривалъ все съ величайшимъ вниманіемъ,

разговаривалъ со всѣми безъ различія, разспрашивалъ каждаго, слушалъ замѣчанія, сужденія, заставлялъ каждаго забывать, съ кѣмъ онъ говоритъ, и изливать душу въ простыхъ неприготовленныхъ словахъ. «Стоило пріѣхать въ Москву для того только, чтобы видѣть это изображеніе нашей промышленности»—сказалъ, наконецъ, монархъ, оставляя восхищенное собраніе фабрикантовъ и заводчиковъ, обѣщая имъ всѣ пособія и поощренія и не различая въ словахъ своихъ себя отъ своихъ подданныхъ». «Бывшіе на выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій во дворцѣ фабриканты и заводчики хотѣли ознаменовать сіе радостное для нихъ событіе празднествомъ въ кругу своемъ. Марта 18-го собрались они въ залѣ Купеческаго собранія, гдѣ приготовленъ былъ богатый обѣдъ; въ собраніи ихъ находились г. московскій гражданскій губернаторъ, многіе вельможи и чиновники. Порядокъ, при общемъ удовольствіи, былъ совершенный» (!). Послѣ обычныхъ тостовъ и спеціальнаго чествованія бар. Мейендорфа, «одинъ изъ бывшихъ тутъ гражданъ» сказалъ рѣчь, гдѣ восклицалъ, между прочимъ: «Мы собрались здѣсь торжествовать тотъ счастливый день, когда въ стѣнахъ нашей старой бѣлокаменной Москвы явился царь нашъ, когда мы увидѣли среди насъ того, кто потрясаетъ одною рукою Тегеранъ и Стамбулъ, и въ другой держитъ судьбу полуміра, прикрывъ державною порфирою треть Азіи и треть Европы. Онъ явился такъ, какъ по преданію являлись нѣкогда его благочестивые отчичи и дѣдичи: не царемъ, но отцомъ; не грознымъ, но милостивымъ; не великолѣпнымъ, но великимъ. Такъ! только нынѣ поняли мы, что значитъ величіе»...[1])

Потрясающая Стамбулъ и Тегеранъ десница нужна была русскому промышленному комитету уже въ 1830 г. Событія этого года никоимъ образомъ не были случайнымъ эпизодомъ. Въ запискахъ неразлучнаго спутника имп. Николая, гр. Бенкендорфа, передъ нами вновь и вновь вспыхиваетъ тотъ же мотивъ. Пять лѣтъ спустя, на очередной мануфактурной выставкѣ въ той же Москвѣ «императорская чета нѣсколько разъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривала всю выставку, разспрашивая производителей о каждой мелочи и одобряя ихъ своимъ поощреніемъ». Въ рѣчи, которую Николай держалъ на этотъ разъ фабрикантамъ послѣ осмотра выставки онъ обнаружилъ, что его интересуетъ не только развитіе промышленности, но и ея неизбѣжный спутникъ—рабочій вопросъ. Онъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на такой предметъ, при отсутствіи котораго самыя

[1]) *Шильдеръ.* «Имп. Николай I», т. II, приложеніе, стр. 561—571.

фабрики скорѣе будутъ зломъ, нежели благомъ. «Это, продолжалъ онъ, попеченіе о рабочихъ, которые, ежегодно возрастая числомъ, требуютъ дѣятельнаго и отеческаго надзора за ихъ нравственностію, безъ чего эта масса людей постепенно будетъ портиться и обратится, наконецъ, въ сословіе столько же несчастное, сколько опасное для самихъ хозяевъ». Николай былъ первымъ русскимъ царемъ, посѣтившимъ нижегородскую ярмарку и выказавшимъ къ ней особенный интересъ. Онъ пріѣхалъ съ министрами финансовъ и путей сообщенія, Канкринымъ и Толемъ. «На слѣдующій день, отслушавъ литургію въ ярмарочномъ соборѣ, государь принялъ мѣстное дворянство и депутатовъ отъ купечества разныхъ губерній, и послѣ продолжительной бесѣды о ярмарочной торговлѣ и о препятствіяхъ, полагаемыхъ ея развитію дурными дорогами, тутъ же велѣлъ гр. Толю заняться этимъ предметомъ и, въ особенности, средствами къ уничтоженію страшной грязи, которою при малѣйшемъ дождѣ покрывалось все занятое ярмаркою пространство. Потомъ государь обозрѣвалъ ряды лавокъ и магазиновъ, а также работы по спуску къ рѣкѣ и другія, указанныя имъ въ послѣднее здѣсь пребываніе; наконецъ, имѣя въ виду объѣхать въ будущемъ году кавказскія и закавказскія наши владѣнія, велѣлъ представить себѣ купцовъ астраханскихъ, тифлисскихъ, кизлярскихъ, армянскихъ, дербентскихъ и ширванскихъ, вслѣдъ за которыми принялъ еще бухарцевъ, мордвинъ, черемисовъ и чувашей, со всѣми ими долго и милостиво разговаривая». Даже попадая въ Нижній внѣ ярмарочнаго времени, Николай «болѣе всего интересовался постройками, возведенными для склада товаровъ» и тщательно эти постройки осматривалъ [1]).

Нѣсколько цифръ дадутъ понятіе о ростѣ русской мануфактурной промышленности въ николаевское царствованіе:

Ввезено въ Россію (въ среднемъ за годъ) пудовъ:		
Года	Хлопка	Пряжи.
1824—26	74.268	337.101
1836—38	282.799	626.713
1842—44	524.511	592.193
1848—50	1.329.333	281.520

Эти цифры [2]) свидѣтельствуютъ не только о *ростѣ* текстильной промышленности въ Россіи (количество ввезеннаго хлопка за 25 лѣтъ увеличилось почти въ 18 разъ!), но и о ростѣ ея *независимости*: николаевская Россія все меньше пряжи выписывала

[1]) Отрывки изъ записокъ Бенкендорфа, напечатанныя у того же *Шильдера*, II прилож. стр. 690, 698 сл., 731.

[2]) Заимствованы у Schultze-Gävernitz «Uolkswirtschaftliche Studien aus Russland», s. 89.

изъ-за границы, т.-е. все больше производила ее дома. Эта независимость уже къ концу перваго пятилѣтія николаевскаго царствованія породила среди русскихъ заводчиковъ и мануфактуристовъ настроенія, нѣсколько напоминающія о маніи величія. Промышленныя выставки, о которыхъ мы уже упоминали (первая изъ нихъ имѣла мѣсто въ 1829 г.), породили увѣренность, что Россія можетъ «производить у себя все, что ей нужно». Замѣчанія немногихъ трезвыхъ наблюдателей, напримѣръ, извѣстнаго статистика Арсеньева, что зато почти все, производимое на русскихъ фабрикахъ, качественно гораздо ниже заграничныхъ продуктовъ, не обращали на себя ничьего вниманія,—кромѣ цензуры. Зато очень быстро стали обращать вниманіе на то, что крѣпостной Россіи не Богъ вѣсть какъ много нужно. По донесеніямъ прусскаго консула въ Петербургѣ, уже въ концѣ 20-хъ годовъ русскіе промышленные круги считали емкость внутренняго рынка для фабрикантовъ почти исчерпанной. Само собою разумѣющимся выходомъ было, собственно, упраздненіе крѣпостного права: проникновеніе капиталистическихъ отношеній въ деревню расширяло внутренній рынокъ до колоссальныхъ размѣровъ, какъ показалъ ходъ событій послѣ 1861 г. Слабыя попытки Николая «вести процессъ противъ рабства» объективно (хотя, можетъ быть, и не въ его личномъ сознаніи) связаны именно съ его «буржуазной» политикой. Но тутъ вожделѣнія россійскаго купечества упирались въ прочную стѣну дворянскихъ интересовъ: передъ лицомъ аграрнаго кризиса 20—30-хъ гг. помѣщикъ не видѣлъ иного способа вести хозяйство внѣ дарового, барщиннаго труда крестьянъ; если не считать оброка, который, отбирая у крестьянина не только «прибавочный продуктъ», но и добрую долю непосредственныхъ средствъ потребленія, отражался на развитіи крестьянскаго хозяйства едва ли не хуже, чѣмъ барщина. Объ освобожденіи крестьянъ до конца кризиса, т.-е. до 40-хъ годовъ, поэтому дворянство и слышать не хотѣло. И вотъ, чуть не на другой день послѣ того, какъ появился на Руси первый жирардовъ станокъ, русскій фабрикантъ уже начинаетъ думать *о заграничномъ рынкѣ*. Въ 1828 г. московскіе мануфактуристы уже возили свои товары на лейпцигскую ярмарку,—по увѣренію нѣмецкихъ авторовъ «исключительно изъ тщеславія». Но и нѣмецкіе авторы не могутъ не признать, что нѣкоторыя московскія издѣлія, напр., тяжелыя шелковыя матеріи, удостоились «всеобщаго одобренія». *Технически* конкуренція не была немыслима въ отдѣльныхъ случаяхъ. Бѣда въ томъ, что николаевскій фабрикантъ плохо отличалъ технику отъ экономики. Около 1830 г. тотъ же прусскій консулъ извѣщалъ свое правительство, что

«любопытнѣйшая мечта всѣхъ русскихъ (!) завоевать Индію и стать на мѣсто Англіи». Читатель согласится, что о «маніи величія» мы упомянули выше не для краснаго словца [1]).

Но предыдущія строки могли бы внушить читателю невѣрное представленіе, будто промышленный расцвѣтъ Россіи (примѣнительно къ *тому* времени, можно говорить о «расцвѣтѣ») во второй четверти XIX столѣтія связанъ какимъ-то образомъ съ личностью Николая Павловича, обязанъ своимъ возникновеніемъ его именно «заботамъ и попеченію». Мы уже упомянули выше, что свою таможенную политику Николай унаслѣдовалъ отъ старшаго брата, но и лежащій въ основѣ этой политики экономическій процессъ тоже ведетъ свое начало отъ александровскаго царствованія. Въ 1812 г. въ Россіи считалось 2325 фабрикъ: въ 1816 ихъ было уже 3733, въ 2820—4558, въ 1824—5286. За двѣнадцать лѣтъ число фабрикъ слишкомъ удвоилось. Причиной непосредственной было то же, что было причиной и отечественной войны—континентальная блокада. Давно пора перестать разсматривать эту послѣднюю, какъ какое-то стихійное бѣдствіе, приведшее «на край гибели» всю Россію. Блокада нарушала, главнымъ образомъ, интересы помѣщичьяго класса, притомъ высшихъ его слоевъ, лишая крупнаго землевладѣльца привычнаго рынка для сбыта продуктовъ его хозяйства и, въ то же время, привычныхъ для него товаровъ, англійскихъ и колоніальныхъ, отъ сукна и почтовой бумаги до кофе и пряностей. Для промышленной буржуазіи наоборотъ—блокада открывала такія перспективы, о которыхъ при режимѣ свободной торговли она бы и мечтать не могла [2]). Зато, связанныя съ дворянской реакціей, вызвавшей и самое войну, фритредерскія попытки нанесли интересамъ этой буржуазіи такой ударъ, что ея вопли услыхали наверху—и съ 20-хъ годовъ Россія снова и окончательно вернулась на путь запретительнаго тарифа. Для ближайшимъ образомъ интересующаго насъ вопроса характерно, что именно съ этими колебаніями связанъ *первый* русско-прусскій конфликтъ, всецѣло падающій еще на царствованіе Александра I.

Весьма любопытно, что уже въ эту эпоху чувства, которыя внушала петербургскому двору его «вѣрная союзница»—чуть не на другой день послѣ того, какъ русскія и прусскія войска

---

[1]) Для привод. фактовъ см. A. Zimmermann, Geschichte d. prussisch deutschen Handelspolitik, s. 85—86.

[2]) См., въ связи съ этимъ, данныя о ввозѣ, напр., хлопка въ Россію въ первые же годы блокады у проф. Тарле, «Континентальная блокада». Самъ проф. Тарле относительно послѣдней стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, ближе къ истинѣ, по нашему мнѣнію, его оппонентъ, г. Военскій (см. его замѣтку въ Журн. Мин. Просв. сентябрь 1915).

вмѣстѣ штурмовали Монмартръ(!),—очень мало отвѣчали эпитету «дружественныхъ». Въ одной, удостоившейся высочайшей апробаціи, дипломатической запискѣ 1818 г. о Пруссіи говорилось въ такихъ выраженіяхъ: «Имѣя притязаніе на достоинство имперіи, это государство представляетъ собою не что иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ маленькихъ государствъ, которыя никакъ не въ состояніи придать своимъ взаимнымъ отношеніямъ единство. Территоріальнымъ составомъ усложняется и всегда будетъ усложняться политика Пруссіи. Она будетъ безпокойна. *Она не можетъ вселять никакого довѣрія.* Какъ германская держава, Пруссія слѣдуетъ въ настоящее время указаніямъ Австріи. Она не умѣетъ или не хочетъ слѣдовать своимъ видамъ, согласно своимъ собственнымъ интересамъ» [1]). Происходившіе какъ разъ въ это время переговоры совершенно опровергаютъ послѣднюю фразу: Пруссія именно слишкомъ склонна была «слѣдовать своимъ собственнымъ интересамъ», которые, къ сожалѣнію, не совпадали съ интересами ея восточной сосѣдки. Можно бы даже сказать «ея восточныхъ сосѣдокъ», ибо дѣло относится къ тому короткому промежутку времени, когда Польша, de facto, была связана съ Россіей лишь династической уніей, имѣя, въ числѣ прочихъ, прерогативъ независимаго государства, и свою собственную таможенную черту, и свою собственную таможенную политику. Эта послѣдняя для польскаго правительства, внѣ сферы внутреннихъ отношеній, была едва ли не самымъ важнымъ дѣломъ. Прекрасно понимая экономическую подкладку исторіи (практически умные дипломаты всегда были экономическими матеріалистами: мы скоро увидимъ разительный этому примѣру именно въ области прусскихъ отношеній), польскіе государственные дѣятели и стоявшій подъ ихъ вліяніемъ представитель Александра I въ Польшѣ, Новосильцовъ, надѣялись возстановить старую Польшу, 1772 г., начавъ съ возстановленія ея старой таможенной линіи. Въ извѣстномъ отношеніи, это стремленіе было на руку Пруссіи. Старая Польша съ нею была связана тѣснѣе, чѣмъ съ Россіей. Въ странѣ, тогда исключительно земледѣльческой, прусскія мануфактуры имѣли отвѣтный рынокъ: въ то же время сама Польша, по условіямъ тогдашняго транспорта, уже безусловно не могла обойтись безъ Пруссіи при сбытѣ своего сырья. Водныя дороги тогда были почти единственными путями сообщенія, окупавшими провозъ. Но выходы къ морю всѣхъ рѣчныхъ системъ Рѣчи Посполитой, были въ рукахъ Пруссіи: устья Одера, какъ и устья Вислы и Нѣмана, одинаково лежали на прусской территоріи. Возстановляя

---

[1]) *Мартенсъ*. цит. с. VII, стр. 329. Курсивъ нашъ.

польское королевство въ 1815 г., Александръ I долженъ былъ учесть это обстоятельство: соглашеніемъ, связаннымъ съ другими постановленіями Вѣнскаго трактата 1815 г., обѣ стороны, Пруссія и Польша, получали право свободнаго плаванія по всѣмъ рѣкамъ, находившимся въ общемъ владѣніи; фактически, это приводило къ установленію между Польшей и Пруссіей отношеній почти свободной торговли. Но сейчасъ же явился вопросъ: какъ понимать «Польшу»? Соглашеніе упоминало о 1772 г., но часть *тогдашней* Польши успѣла стать составной частью Россійской имперіи, и въ 1815 г. къ королевству не вернулась. Получила ли Пруссія право свободной торговли и съ этими, уже русскими теперь, губерніями? Пруссаки утверждали, что да,—русское правительство категорически это отрицало. Соглашеніе 1815 г. осталось мертвой буквой. Съ прусской стороны прекрасно понимали, что отъ Пруссіи зависитъ экономически задушить воскрешенное Александромъ I польское королевство, закрывъ полякамъ доступъ къ морю, и не соглашались отказаться отъ русскихъ губерній безъ компенсацій. Три года тянулись переговоры, и лишь въ декабрѣ 1818 г. modus vivendi, казалось, былъ найденъ. Польско-русскіе интересы взяли верхъ: Конвенціей 7-19 дек. 1818 г. въ сферу прусскаго «свободнаго плаванія» была вдвинута вся территорія, «составлявшая часть бывшаго королевства польскаго послѣ 1772 г. и заключавшаяся между Двиною, Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ и моремъ». Этого мало: за Пруссіею, особой отдѣльной статьей, было закрѣплено право транзитнаго провоза суконъ черезъ Россію на азіатскіе рынки, съ уплатой минимальной пошлины (12 коп. съ аршина).

Какъ часто бываетъ, дополнительная статья оказалось важнѣе, самого трактата. По откровенному (хотя и не для публики) признанію прусскаго министра финансовъ въ 1822 г. [1]), главную выгоду для Пруссіи составляла не легальная, но *контрабандная* торговля съ Россіей. Въ то время, какъ легальный ввозъ (о немъ министръ говорилъ не безъ пренебреженія) не доходилъ до 2 милл. талеровъ, о размѣрахъ контрабанды даетъ понятіе хотя бы тотъ фактъ, что за время 1824—33 гг. средняя сумма конфискованнаго русскими таможнями контрабаднаго товара ежегодно превышала полмилліона рублей. Между тѣмъ, контрабанда была налажена превосходно (не забудемъ, что, вѣдь, это было то самое время, когда служилъ по таможенной части Павелъ Ивановичъ Чичиковъ), и случаи конфискаціи цитируемый нами нѣмецкій историкъ называетъ «рѣдчайшими». Это подтверждается и изъ

[1]) См. цит. гл. Циммермана, стр. 75 и 88.

другихъ источниковъ, откуда мы узнаемъ, что средняя страховка отъ риска конфискаціи составляла всего 35% причитавшейся пошлины (въ эту сумму входили, конечно, и взятки чиновникамъ) [1]). Словомъ, конфискація была чѣмъ-то въ родѣ пожара или даже землетрясенія: если даже эти ненормальные случаи давали результаты, оцѣнивавшіеся сотнями тысячъ рублей, каковы же были размѣры «нормальной» контрабанды? Нѣтъ надобности говорить, что право транзита открывало передъ контрабандой почти неограниченныя возможности,—тѣмъ болѣе, что прусскія сукна въ огромныхъ количествахъ покупались русскими купцами: на нихъ держался мѣновой торгъ съ китайцами въ Кяхтѣ. Усмотрѣть, что шло въ Кяхту, а что въ Москву, Петербургъ или Кіевъ, кто же могъ бы это осуществить, разъ товаръ былъ уже внутри Россіи? Около транзита прусскихъ суконъ происходилъ главный бой, который тогдашніе прусскіе дипломаты, а, слѣдомъ за ними, и позднѣйшіе нѣмецкіе историки—напрасно пытались объяснить личной заинтересованностью въ процвѣтаніи русскихъ суконныхъ фабрикъ различныхъ вліятельныхъ персонажей, начиная съ министра финансовъ Гурьева и министра иностр. дѣлъ Нессельроде. Это могло быть, но интересамъ и этихъ лицъ угрожали, очевидно, не прусскій транзитъ самъ по себѣ, а прусская контрабанда. Отсюда вполнѣ логично было требованіе русскаго правительства, чтобы декабрьская конвенція 1818 г. была дополнена картелемъ, т.-е. взаимнымъ обязательствомъ обѣихъ договаривающихся державъ принимать всѣ мѣры противъ нарушенія или обхода заключеннаго договора. Но контрабанда нарушала интересы русскаго капитализма, а не прусскаго. Принимать на себя какія-либо обязательства по борьбѣ съ контрабандой въ Берлинѣ вовсе не желали, потому, какъ откровенно объясняетъ историкъ прусской торговой политики, что «прекрасно сознавали, что при существующей въ Россіи таможенной системѣ торговля возможна, главнымъ образомъ, лишь при помощи обхода закона» [2]). Такъ какъ, однако же, написать этого въ оффиціальной бумагѣ было нельзя, то оффиціально отвѣтили, что картель только ослабилъ бы бдительность какъ русскихъ чиновниковъ, такъ и прусскихъ, ибо они полагались бы одни на другихъ, а сверхъ того картель ввелъ бы ихъ въ искушеніе заключать другъ съ другомъ преступныя сдѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусское правительство издало платоническое воззваніе къ своимъ подданнымъ, предостерегавшее ихъ отъ нарушеній заключенной съ Россіей конвенціи. Воззваніе это (если оно было

[1]) См. Schulze—Gävernitz, цит. соч., стр. 245 пр. 1.
[2]) Zimmerman, 65.

издано въ дѣйствительности—нѣмецкій историкъ говоритъ о немъ предположительно, лишь какъ о намѣреніи) должно было доставить веселыя минуты прусскимъ контрабандистамъ. Но Гурьевъ нашелъ способы отвѣтить на это, въ сущности, издѣвательство. Русское таможенное начальство прибѣгло къ своего рода «итальянской забастовкѣ», самымъ ограничительнымъ образомъ толкуя каждую статью трактата. Прусскія сукна можно провозить черезъ Россію, но кто долженъ этимъ заниматься? Исключительно русскіе купцы, отвѣчали на это чиновники Гурьева: пруссаки могутъ лишь *ввозить* сукно въ Россію, а не *перевозить* до Кяхты; притомъ только изъ *пограничныхъ* съ Россіей или Польшей областей Пруссіи—изъ Силезіи, напримѣръ, а никакъ не изъ рейнскихъ провинцій. Прусскіе министры негодовали, говорили о нарушеніи трактата, русскіе тогда сейчасъ же начинали предлагать его пересмотръ, и «итальянская забастовка» переходила на другую сторону. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, Алопеусъ, находилъ соотвѣтствующихъ прусскихъ министровъ или больными, или неотложно занятыми другими дѣлами, или внезапно потерявшими память. Въ отчаяніи онъ доносилъ въ Петербургъ, что въ Берлинѣ хаосъ, и ни отъ кого никакого толку добиться нельзя [1]). Неопредѣленное положеніе, при которомъ конвенція и была, и ея не было, все же было выгоднѣе для Пруссіи, чѣмъ для Россіи: для контрабанды оно даже давало, пожалуй, большія возможности, чѣмъ пунктуальное соблюденіе договора. Оттого энергическія попытки выйти изъ тупика и послѣдовали со стороны Россіи. Въ 1822 г. Россія ввела новый таможенный тарифъ—почти совершенно запретительный, и одностороннимъ актомъ отмѣнила, съ тѣмъ вмѣстѣ, трактатъ 1818 г. Этотъ экстраординарный шагъ былъ возвѣщенъ прусскому правительству собственноручнымъ письмомъ Александра I къ Фридриху-Вильгельму III (15/27 февраля 1822 г.). Русскій императоръ говорилъ въ письмѣ о «глубокомъ», «трудно-выразимомъ» «чувствѣ боли», которую причиняетъ ему самому принятая имъ мѣра, но послѣдняя была неотвратима, ибо, при дѣйствіи трактата 1818 г., «въ Россіи и въ Польшѣ сельская и мануфактурная промышленность не только останавливаются въ своемъ развитіи, но даже приближаются къ неминуемой гибели» [2]). Въ то же время русское таможенное вѣдомство сдѣлало новое усовершенствованіе въ своей итальянской забастовкѣ. Оно высчитало, какое количество прусскихъ товаровъ входитъ *легально* въ Россію каждый годъ—и впредь собира-

[1]) *Мартенсъ*, VIII стр. 3 и сл.

[2]) Все письмо, частью in extenso, частью въ подробномъ изложеніи, см. у *Мартенса*, VIII—стр. 5—7.

лось пропускать только *это* количество товаровъ, а никакъ не больше. Что изъ этого получалось, читатель легко дагадается, если припомнитъ, что прусская торговля держалась, главнымъ образомъ, на контрабандѣ.

Въ Берлинѣ пришли въ бѣшенство. На письмо Александра I было отвѣчено такъ сухо, что дальнѣйшая переписка на этомъ оборвалась. А затѣмъ, конечно, сейчасъ же выступили на сцену репрессаліи. Онѣ въ высокой степени характерны для дальнѣйшаго развитія русско-германскихъ таможенныхъ отношеній, хотя тогда принятыя прусскимъ правительствомъ мѣры били, прежде всего, не самое Россію, а Польшу. Рѣшено было обложить высокими пошлинами русскій и польскій *хлѣбъ* и *скотъ*: на промышленный протекціонизмъ Россіи Пруссія отвѣчала аграрнымъ протекціонизмомъ [1]). Это была таможенная война, совсѣмъ какъ впослѣдствіи въ 80—90-хъ гг. XIX столѣтія. И изъ-за таможенной войны уже выглядывалъ призракъ настоящей. «Въ депешѣ отъ 6/21 сентября 1822 г. гр. Алопеусъ повторяетъ, что король искренно преданъ государю и любитъ русскій народъ, но онъ недоступенъ: никогда представитель иностранной державы не можетъ добиться у него аудіенціи, за исключеніемъ случая, когда онъ долженъ вручить свою кредитивную или отзывную грамоту. Но ни прусскіе министры, ни армія не любятъ Россіи: они характеризуютъ любовь короля къ Россіи однимъ словомъ—руссоманія. Уже въ 1814 г., разсказываетъ посланникъ, послѣ перваго взятія Парижа, офицеры прусскаго генеральнаго штаба были заняты планомъ наступательной и оборонительной кампаніи противъ Россіи, исходя изъ того предположенія, что отнынѣ это единственная держава, которой должна бояться Пруссія, и ничто не доказываетъ, чтобы отъ этого убѣжденія отказались. Прусскіе министры ставятъ въ основаніе прусской политики союзъ Пруссіи съ Австріей и *Англіей*, а не съ Россіей» [2]).

До реализаціи придуманнаго прусскими офицерами плана кампаніи дѣло не дошло. Прусскія аграрныя пошлины вызвали настоящій кризисъ въ Польшѣ—и не менѣе сильный взрывъ безсильнаго бѣшенства въ Варшавѣ, чѣмъ въ Берлинѣ. Поносившись нѣкоторое время съ грандіозными, но мало осуществимыми планами—въ родѣ проекта канала, который бы непосредственно связалъ Польшу съ Балтійскимъ моремъ черезъ русскую Либаву, и для постройки котораго не оказалось ни денегъ, ни людей—намѣстникъ Польши, Константинъ Павловичъ, пошелъ по наиболѣе простому и прямому пути, послалъ въ Берлинъ для перего-

[1]) Указъ (Kabinettsordre) 10 апр. 1823—у Циммермана, стр. 77.
[2]) Zimmermann, s. 65.

воровъ своего довѣреннаго человѣка, бар. Моренгейма, которому послѣ долгихъ препирательствъ съ пруссаками и удалось заключить новый договоръ (27 февраля/11 марта 1825 г.). Если конвенція 1818 г. была торжествомъ прусско-польскихъ интересовъ, то въ 1825 г. русская промышленная буржуазія получила блестящій реваншъ. Въ конвенціи Моренгейма уже нѣтъ ни звука ни о польской границѣ 1772 г., ни, что было еще важнѣе, о транзитѣ прусскихъ суконъ черезъ Россію въ Азію. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ русское министерство финансовъ пошло дальше даже своей собственной промежуточной позиціи, на которой оно соглашалось держаться всего годъ назадъ: въ протоколѣ, подписанномъ Моренгеймомъ въ апрѣлѣ 1824 г., право транзита прусскихъ суконъ *русскими* купцами было сохранено. Съ контрабандой соглашались мириться, лишь бы она шла на пользу туземнаго, а не иностраннаго торговаго капитала. Но именно поэтому уступка потеряла цѣну для Пруссіи. Зато моренгеймовская конвенція сохранила прусскія пошлины на польскіе сельскохозяйственные продукты: Польша весьма ощутительно должна была почувствовать, что она не самостоятельное государство, а лишь вассалъ Россіи. Насколько такое принесеніе въ жертву польскихъ экономическихъ интересовъ русскимъ должно было способствовать развитію настроеній, приведшихъ къ взрыву 1830—31 гг., не трудно догадаться.

Но и Пруссія была весьма далека отъ того, чтобы чувствовать себя удовлетворенной. Въ прусскомъ министерствѣ «господствовало полное единодушіе по вопросу объ абсолютной безполезности (для Пруссіи) трактата 1825 г.», пишетъ неоднократно цитированный нами нѣмецкій историкъ [1]). Срокъ моренгеймовской конвенціи истекалъ черезъ девять лѣтъ, въ 1834 г. Уже въ 1829 г. въ прусскихъ оффиціальныхъ сферахъ слышались мнѣнія, что нужно использовать затрудненія Николая I на Востокѣ, чтобы пробить брешь въ русской таможенной стѣнѣ. Но затрудненія кончились—адріанопольскимъ миромъ—раньше,«чѣмъ прусскіе государственные люди успѣли между собою столковаться. Прибѣгали и къ дружескимъ увѣщаніямъ: Александръ Гумбольдтъ, который былъ близокъ съ Канкринымъ, возвращаясь изъ своего сибирскаго путешествія, пытался повліять лично на русскаго министра финансовъ, но «безъ малѣйшаго успѣха». Россія еще разъ попала въ затруднительное положеніе, изъ-за Польши, въ 1831 г. Но использовать его было обоюдоострымъ дѣломъ. Какъ-никакъ, «самостоятельное» польское королевство

[1]) Циммерманъ, цит. сл. 140

все же оставалось пока почти открытымъ рынкомъ для мануфактурныхъ произведеній Пруссіи. Стоило Россіи включить Польшу въ свою таможенную черту, исчезалъ и этотъ рынокъ. Эволюція неизбѣжно вела къ этому концу, но не въ прусскихъ интересахъ было его ускорять. Тѣмъ временемъ русско-германскія коммерческія отношенія оживлялись, несмотря ни на какіе неудобные трактаты. Акціи только что основавшейся пароходной кампаніи Петербургъ-Любекъ въ нѣсколько лѣтъ поднялись болѣе, нежели втрое (съ 500 р., номинальной цѣны, до 1800).[1]) Предполагавшаяся въ Россіи постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ должна была дать гигантскій толчекъ экономическому развитію этой страны. Открытіе такого рынка для прусскихъ товаровъ становилось все настоятельнѣе—и разъ невозможно было добиться этого, играя на политическихъ затрудненіяхъ Россіи, приходилось ловить благопріятныя комбинаціи иного рода. Мы видѣли выше, какъ стремился Николай Павловичъ къ демонстративному выраженію солидарности между тремя консервативными державами Европы—Австріей, Пруссіей и Россіей. Въ 1833 г. это ему не удалось—не только прусскій король, но даже его министръ не согласился поѣхать на съѣздъ въ Мюнхенгрецъ. Въ 1835 г. рѣшено было пойти навстрѣчу Николаю гораздо дальше: не только прусскій король, но и его гвардія должны были явиться на русскую территорію, въ Калишъ, для совмѣстныхъ маневровъ и совмѣстнаго торжественнаго смотра передъ союзными государствами (предполагался и австрійскій императоръ, но Францъ I умеръ, на нѣсколько мѣсяцевъ не дождавшись калишскихъ торжествъ). Николай былъ чрезвычайно всѣмъ этимъ доволенъ; Калишъ сталъ надолго центромъ его вниманія. Съ прусской стороны рѣшено было использовать настроеніе русскаго императора. Какъ разъ въ дни калишскихъ празднествъ для Николая была приготовлена записка прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ансильона (того самаго, что отказался ѣхать въ Мюнхенгрецъ), гдѣ можно было читать такія вещи: «Тѣсный союзъ Пруссіи и Россіи—благодѣяніе не только для этихъ двухъ державъ, но для цѣлой Европы; это залогъ его безопасности и мира. Союзъ существуетъ между двумя государями, связанными узами тѣсной дружбы столько же, сколько и узами родства, онъ существуетъ сознательно также между ихъ правительствами... она существуетъ между обѣими націями и между обѣими арміями... Родъ сліянія (этихъ армій), который представляетъ въ эту минуту калишскій лагерь, и военныя празднества, театромъ которыхъ онъ является, суть

[1]) См. Schiemann, цит. соч., III 260.

образчикъ и блестящее доказательство искренности и неразрывности этого союза... Остается пожелать, чтобы два государства, тѣсно связанныя въ столь различныхъ отношеніяхъ, были все болѣе и болѣе тѣсно связаны и въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ... Опытъ всѣхъ временъ доказалъ, что матеріальные интересы всего болѣе дѣйствуютъ на массы.... Съ этой точки зрѣнія остается еще много сдѣлать въ русско-прусскихъ отношеніяхъ. То, что существовало до сихъ поръ, оказывалось несовершеннымъ, недостаточнымъ, и, мы говоримъ это со скорбью, частыя тренія, иногда даже кровавыя столкновенія, возникали на границахъ обоихъ государствъ... Прекратить эту печальную аномалію для обоихъ правительствъ столько же необходимо, сколько желательно. Коммерческій трактатъ, основанный на взаимной выгодѣ, приноровленный къ мѣстнымъ нуждамъ, дѣлающій уступки, полезныя обѣимъ сторонамъ, облеченный въ формы, одновременно предупреждающія и пресѣкающія (preventives et repressives), мудрыя и кроткія, былъ бы единственнымъ средствомъ положить конецъ безпорядкамъ, удручающимъ сердце императора, какъ и сердце короля»[1]).

Неизвѣстно, что получилось бы, если бы записка Ансильона была передана Николаю Павловичу своевременно—т.-е. *наканунѣ* калишскихъ торжествъ. Но пруссаки имѣли неловкость сдѣлать это черезъ два мѣсяца *послѣ* Калиша. Они должны были тотчасъ же убѣдиться, что русскому государю нужна была вовсе не Пруссія, а лишь международное оказательство солидарности консервативныхъ державъ. Ради этой демонстраціи онъ, можетъ быть, и пошелъ бы на кое-какія уступки—едва ли и тогда очень рѣшительныя и принципіальныя. Но разъ дѣло было сдѣлано, для какихъ бы то ни было уступокъ не было болѣе мѣста. Привезшій записку и, вмѣстѣ съ нею собственноручное письмо прусскаго короля, флигель-адъютантъ Раухъ долженъ былъ услыхать отъ имп. Николая, что политика свободной торговли относительно Пруссіи для Россіи невозможна, ибо въ промышленномъ отношеніи Россія отстала отъ Пруссіи на 100 лѣтъ. Теперешняя система, по его убѣжденію, самая правильная—за послѣдній годъ таможенные доходы увеличились почти на 50 милліоновъ рублей. Только черезъ 50 или 60 лѣтъ Россія будетъ сколько-нибудь въ состояніи выдерживать конкурренцію Пруссіи[2]). Строгая охрана границы необходима столько же изъ-за контрабанды, сколько ради польскихъ отношеній. Прусскіе пограничные города, какъ Мемель, которые живутъ контрабандой, сами не стѣсняются при-

[1]) Zimmermann, 139.
[2]) Какимъ оптимистомъ былъ императоръ Николай!

бѣгать къ насилію. Помилованные королемъ поляки безъ строгаго надзора сейчасъ же опять вернутся въ свою страну и начнутъ тамъ агитировать. Онъ, Николай, слишкомъ хорошо знаетъ взгляды оберъ-президента (восточной Пруссіи) ф. Шена, чтобы ему вѣрить. Въ письмѣ къ своему тестю императоръ уже все свелъ къ контрабандѣ. «Больше, чѣмъ кто-либо», говорилось здѣсь, «я признаю настоятельную необходимость положить разъ навсегда конецъ всѣмъ безпорядкамъ, которые слишкомъ часто портили пограничныя отношенія между Россіей и Пруссіей... Я ожидаю предложеній, которыя вашему величеству благоугодно будетъ передать моимъ министрамъ черезъ посредство вашихъ уполномоченныхъ. Мнѣ пріятно думать, что въ нихъ будетъ заключаться предложеніе энергической поддержки со стороны правительства вашего величества къ подавленію контрабанды, главнаго источника тѣхъ золъ, отъ которыхъ мы страдаемъ, и, рѣшаюсь это сказать, дѣйствительнаго препятствія къ тѣмъ облегченіямъ (пограничнаго надзора), какихъ требуютъ ежедневныя сношенія пограничныхъ жителей». Для оцѣнки послѣднихъ словъ письма, интересно сопоставить съ ними то, что писалъ, всего пять лѣтъ спустя, о томъ же предметѣ канцлеръ Николая Павловича, Нессельроде, въ интимномъ, неоффиціальномъ письмѣ къ Мейендорфу.«Я отослалъ ваше письмо къ Канкрину», читаемъ тамъ. ... Въ немъ главное препятствіе (къ улаженію русско-прусскихъ отношеній). Онъ воображаетъ, что его таможенные чиновники святые и всячески ихъ поддерживаетъ; гуманные же способы дѣйствія не входятъ въ его программу. Въ дѣлѣ права и справедливости мы, къ несчастію, очень отстали отъ всѣхъ другихъ націй Европы. Пограничное населеніе хочетъ заниматься контрабандой; прусскія власти смотрятъ на это сквозь пальцы и даже поощряютъ его; наше мелкое начальство, на которое возложена обязанность бороться съ этимъ, принимаетъ каждаго пруссака за контрабандиста, изводитъ его и вообще исполняетъ свои обязанности крайне несправедливо и грубо. Вотъ точное изображеніе того, что происходитъ на границѣ, и настоящая причина всѣхъ эксцессовъ. Трудно выдумать лѣкарство противъ этой болѣзни»[1]).

Пруссакамъ казалось, что они изобрѣтательнѣе русскаго канцлера, и что лѣкарство ими найдено. Мы сейчасъ видѣли, какъ перепутывались въ сознаніи николаевскаго правительства таможенная и чисто-полицейская охрана русской границы. Мы видѣли, что въ первомъ отношеніи оказалось невозможно добиться

[1]) Zimmermann, 140—141; Nesselrode, VIII, 170—171.

какого бы то ни было содѣйствія отъ прусскаго правительства: оно упорно отказывалось заключить таможенный картель. Но во второмъ отношеніи кое-что удалось сдѣлать. Индустріальные интересы раздѣляли Россію и Пруссію—общее обладаніе кусками разорванной Польши ихъ, поневолѣ, сближало; ничто не связываетъ такъ людей, какъ сообща учиненное преступленіе... 17 марта 1830 г. «во имя пресвятой и нераздѣльной Троицы» (необходимый заголовокъ всякаго торжественнаго соглашенія до Берлинскаго трактата 1878 г.: послѣдній былъ озаглавленъ «во имя Бога всемогущаго».), оба правительства, русское и прусское, взаимно обязались выдавать другъ другу, гласно и открыто, военныхъ дезертировъ; негласно, особой секретной статьей, политическихъ преступниковъ, которыми, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, съ русской стороны были, конечно, поляки. Вскорѣ же, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вспыхнувшее польское возстаніе дало безчисленное множество случаевъ примѣненія конвенціи—и безчисленное количество жалобъ съ русской стороны, ибо пруссаки, нужно сказать, не обнаруживали никакого усердія въ ловлѣ польскихъ инсургентовъ, оправдывая себя, къ вящщему негодованію Николая, ссылками на общественное мнѣніе Пруссіи, несочувствовавшее выдачѣ политическихъ. Съ прусской стороны едва ли нашлось бы много «политиковъ», которые вздумали бы искать убѣжища во владѣніяхъ русскаго императора. И «прусская сторона» выразилась въ секретной статьѣ, главнымъ образомъ, чрезвычайно любопытной оговоркой: «что проступки противъ финансовыхъ законовъ не будутъ отнесены къ категоріи преступныхъ дѣяній». Своихъ контрабандистовъ пруссаки отнюдь не собирались выдавать... Хотя, такимъ образомъ, и были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы полицейскій картель нельзя было превратить въ таможенный какими бы то ни было обходами, конвенція 1830 г. продолжала оставаться выгодной—и даже односторонне выгодной для Россіи. На этомъ и былъ построенъ прусскій планъ; конвенція была заключена на 12 лѣтъ—ея дѣйствія кончалось въ 1842 г. «Если вы намъ не сдѣлаете до того времени уступокъ въ таможенномъ вопросѣ, мы не возобновимъ картеля», угрожало прусское правительство. Польскіе агитаторы тогда будутъ жить у васъ подъ носомъ и вамъ не будетъ отъ нихъ покоя, а русскіе бѣглые солдаты съ полнымъ спокойствіемъ будутъ работать у прусскихъ помѣщиковъ въ двухъ верстахъ отъ русской пограничной черты. Какъ подъ крупной политикой иногда скрывается мелкая, такъ и у крупной экономики бываютъ свои мелкія подробности: прусскія имѣнія уже тогда ощущали, періодически, острую нужду

въ рабочихъ рукахъ, и нужда эта удовлетворялась пришельцами съ той стороны русской границы. Такъ какъ дезертирство въ николаевской арміи носило массовой характеръ (за 25 лѣтъ царствованія дезертировъ оффиціально считали болѣе 100 тысячъ, фактически ихъ было гораздо болѣе, такъ какъ полковое начальство, во избѣжаніе отвѣтственности, многихъ бѣглыхъ помѣчало умершими), то въ смыслѣ снабженія прусскихъ экономій рабочими руками русскіе бѣглые солдаты были далеко не безразличнымъ элементомъ. Антипатія прусскаго «общественнаго мнѣнія» къ картелю въ значительной степени объяснялась именно этимъ.

Прусскимъ бюрократамъ придуманный ими ударъ казался неотвратимымъ, и они не безъ самодовольства говорили между собою объ эффектѣ, который должна произвести подведенная ими мина, когда она взорвется. Русское правительство, когда оно узнало о готовящемся подвохѣ (сначала, повидимому, именно изъ разговоровъ прусскихъ чиновниковъ, которые заранѣе хвастались своей побѣдой, въ частныхъ бесѣдахъ, и передъ русскими: это особенно возмущало имп. Николая), стало дѣлать видъ, что для него въ высокой степени безразлично, существуетъ картель или нѣтъ. Письма Нессельроде свидѣтельствуютъ, однако же, о настроеніи тревожномъ, близкомъ къ подавленности. «То, что вы сообщаете о торговомъ дѣлѣ, не предвѣщаетъ ничего хорошаго», писалъ онъ Мейендорфу въ концѣ 1840 г. «Вотъ что значитъ не схватить за волосы благопріятный случай. Варшавскія власти тянули дѣло цѣлый годъ и упустили хорошую минуту. Президенты провинцій противъ (соглашенія съ Россіей); Альвенслебенъ, который былъ хорошо настроенъ, уходитъ, и Канкринъ, которому я, наконецъ, втолковалъ насчетъ необходимости поладить съ Пруссіей, тоже хочетъ оставить министерство. Все это неблагопріятно для нашихъ переговоровъ. Я не могу еще дать вамъ инструкцій относительно возобновленія картеля. Я ожидаю отзыва кн. Варшавскаго (Паскевича) и нашихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго и постараюсь пока доказать имъ, что простое возобновленіе (картеля) есть максимумъ того, что мы можемъ надѣяться добиться отъ Пруссіи. Я боюсь даже, не слишкомъ ли вы обольщаетесь надеждой достигнуть и этого, такъ какъ общественное мнѣніе, особенно въ старой Пруссіи, подстрекаемое ф. Шеномъ, сильно возбуждено противъ условій картеля»[1]).

Что опасенія русскаго правительства захватили и Канкрина, при всей его непоколебимой преданности идеямъ протекціонизма,

[1]) VIII, 105.

показываютъ переговоры, которые онъ нашелъ нужнымъ вести съ прусскими министрами, когда онъ былъ проѣздомъ въ Берлинѣ; лѣтомъ 1839 г. Канкринъ «представилъ прусскимъ министрамъ всѣ доказательства, убѣждающія въ невозможности для русскаго правительства согласиться на сбавку пошлинъ съ товаровъ, обозначенныхъ въ прусскихъ предложеніяхъ. Это именно такіе товары, для производства которыхъ учреждены въ Россіи заводы и фабрики, имѣющіе право на покровительство со стороны правительства». На запискѣ прусскаго министерства финансовъ, доставленной русскому правительству въ 1840 г., Канкринъ написалъ, что исполненіе прусскихъ требованій «вызвало бы существенное измѣненіе всей русской таможенной системы, и только чрезъ Государственный Совѣтъ оно могло бы осуществиться»[1]). Но пруссаковъ не пугали ни «право на покровительство» русскихъ заводовъ и фабрикъ, ни даже необходимость безпокоить государственный совѣтъ. Въ тревогѣ Канкрина и Нессельроде они видѣли только подтвержденіе тактической правильности задуманнаго ими хода—и, лѣтомъ 1842 г., они рѣшили нанести ударъ. Прусская нота, переданная 1/13 іюня Мейендорфу, заявляла, что на возобновленіе картеля 1830 г. Россія можетъ разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если она согласится на удовлетвореніе требованій Пруссіи. Берлинскій дворъ былъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ, что въ свитѣ короля, какъ разъ въ это лѣто отправлявшагося въ Петербургъ, были спеціально прикомандированы два высшихъ чиновника, Мюллеръ и фонъ-Уденъ, для выработки, сообща съ русскими уполномоченными, таможенной конвенціи.

Фридриха Вильгельма IV чрезвычайно мало уважали въ Петербургѣ—и мы видѣли отзывы о немъ Нессельроде, которые будетъ слишкомъ мягко назвать только непочтительными. Но на этотъ разъ въ отзывахъ Нессельроде о томъ же государѣ слышится болѣе чѣмъ почтительный трепетъ. Въ письмѣ къ Мейендорфу сообщается даже о легкомъ разстройствѣ желудка Фридриха Вильгельма, причиненномъ невской водой, и выражается сожалѣніе, что авторъ письма не успѣлъ еще представиться королю. Мюллеру и ф.-Удену было объявлено, что Россія не желаетъ вести никакихъ переговоровъ въ собственномъ смыслѣ, ибо они могли бы привести «къ охлажденію дружескихъ отношеній, которыя государь желаетъ поддерживать съ Пруссіей». Но совершенно добровольно, «исключительно въ интересахъ нашихъ онтошеній съ Пруссіей, основанныхъ на добромъ согласіи и сосѣдствѣ», Россія согласна сдѣлать рядъ уступокъ, которыя

[1]) Мартенсъ, VIII, стр. 277, ср. стр. 250.

Нессельроде и прочиталъ прусскимъ уполномоченнымъ, обозначивъ ихъ, какъ «окончательныя». Это были исключительно мелкія смягченія въ области пограничнаго надзора: объ ослабленіи протекціонной системы, объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ «съ прусскихъ мануфактурныхъ издѣлій изъ хлопка, полотна, льна, шелку, желѣза и стекла», что ранѣе было предметомъ переговоровъ, не говорилось ни слова. «Что касается до пошлинъ, взимаемыхъ въ Пруссіи съ русскаго и польскаго транзита, (т.-е., главнымъ образомъ, съ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, съ преимущественно польскихъ, какъ мы уже знаемъ), а равно возобновленія картельной конвенціи, то его императорское величество разсчитываетъ въ этомъ отношеніи на справедливость короля и дружескія его чувства», прибавляло русское сообщеніе.

На всѣ эти учтивости и щедроты пруссаки отвѣтили съ чрезвычайной грубостью. Они заявили, что согласны продлить срокъ дѣйствія картеля еще *на одинъ только годъ* съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого года была, наконецъ, выработана окончательная таможенная конвенція. Заявленіе кончалось ссылкой на вѣнскій трактатъ 1815 г., обезпечивавшій Пруссіи почти свободную торговлю съ Польшей, въ границахъ 1772 г. Давно похороненный мертвецъ вновь вставалъ изъ гроба... Надо прочесть письмо Нессельроде, написанное на другой день послѣ отъѣзда короля изъ Петербурга, чтобы оцѣнить настроеніе «сферъ», когда онѣ увидѣли, какой оборотъ приняло дѣло. Именно изъ этого письма взяты нами цитаты, говорящія объ «особенномъ талантѣ прусаковъ портить всякое дѣло», и аттестующія ихъ, какъ «грошевиковъ, съ которыми нужно торговаться, какъ съ евреями». «Ихъ отвѣтъ, переданный въ тотъ моментъ, когда они садились на пароходъ, все испортилъ и заставилъ меня потерять плодъ двухнедѣльныхъ усилій, уступокъ и самыхъ щедрыхъ пожертвованій со стороны императора, пожертвованій, имѣвшихъ единственною цѣлью улучшить наши пограничныя отношенія и доставить удовольствіе королю. Я ихъ заклиналъ не говорить о вѣнскомъ трактатѣ и отвѣтить такъ просто, какъ только возможно, оставивъ всякую дипломатію въ сторонѣ... Вмѣсто того, чтобы ограничиться благодарностью за наше сообщеніе и сказать, что въ томъ, что касается картеля, король готовъ, со своей стороны, сдѣлать все, что только можетъ быть пріятно императору, они соглашаются продлить его только на годъ, да и то подъ условіемъ новыхъ переговоровъ, съ очевидной цѣлью принудить насъ къ новымъ пожертвованіямъ. Такой поступокъ, подобный образъ дѣйствія неизбѣжно долженъ былъ задѣть императора за живое. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ собою поразительный контрастъ

со столь благороднымъ, столь безкорыстнымъ поведеніемъ нашего государя... Прочтите (прусское сообщеніе) и вы найдете, какъ и мы, что прусское нахальство сквозитъ изъ каждой строки. Съ ними трудно столковаться, и я отъ всего сердца жалѣю васъ, вынужденнаго имѣть дѣло съ людьми, столь высокомѣрными»[1]).

Пруссаки уѣзжали съ полнымъ сознаніемъ, что сдѣланный ими шагъ можетъ повести къ прекращенію всякихъ переговоровъ: «но», говоритъ нѣмецкій историкъ, «положеніе едва ли могло стать хуже, чѣмъ оно уже было». Если такъ же думали и прусскіе дипломаты, они скоро должны были разубѣдиться: русское правительство сумѣло сдѣлать положеніе, если не хуже, то значительно сложнѣе и, во всякомъ случаѣ, не выгоднѣе для Пруссіи. Игнорируя поставленное прусскими уполномоченными условіе (на этотъ разъ Нессельроде прямо заявилъ, что въ картелѣ Россія не нуждается; въ самомъ дѣлѣ, годомъ раньше, годомъ позже, не все ли это было равно? Да, къ тому же, Паскевичъ успокаивалъ, что «въ крайнемъ случаѣ» можно жить и безъ картеля), оно опубликовало свои «окончательныя уступки» въ формѣ односторонняго акта—какъ бы «дарственной записи» имп. Николая Пруссіи. Мало того, къ «окончательнымъ уступкамъ» было присоединено еще пониженіе пошлинъ на издѣлія изъ льна и пеньки. Русское полотняное ткачество давно уже стояло совершенно прочно, русскій холстъ уже съ XVIII в. является предметомъ массоваго вывоза за границу, между прочимъ и въ Пруссію, если бы послѣдняя и сумѣла воспользоваться русскими «уступками», это было бы не такъ страшно. Если бы сумѣла, но это-то и оказывалось не такъ просто. Пруссія въ таможенномъ отношеніи была въ это время уже не одна: съ 1834 г. существовалъ Zollverein. Пруссакамъ казалось само собою разумѣющимся, что «уступки» распространяются и на него: но Нессельроде отвѣтилъ, что Россіи ничего оффиціально неизвѣстно о существованіи Zollverein'а; притомъ же пруссаки сами ссылаются на трактатъ 1815 г.: какой же тогда былъ Zollverein? Русскія льготы будутъ предоставлены лишь товарамъ, которые смогутъ доказать свое истинно-прусское происхожденіе. Едва объ этомъ узнали въ Саксоніи и южной Германіи, какъ тамъ подняли вопль, что Пруссія, вопреки договору Zollverein'а, заключаетъ сепаратныя соглашенія съ другими державами. Только тутъ пруссаки поняли, какой данайскій даръ у нихъ въ рукахъ. Россія вбивала клинъ въ только что возникшее таможенное единство Германіи. Пришлось подражать русскій тактикѣ относительно картеля:

[1]) Для этого всего см. Martens, ц. соч., 279 сл.; Zimmermann, 232 сл.; Nesselrode, VIII 176—181.

заявить, что «уступки» Пруссіи вовсе не нужны—и формально запретить прусскимъ купцамъ представлять свидѣтельства о происхожденіи ввозимаго ими въ Россію товара.

По существу побѣда осталась за имп. Николаемъ и Нессельроде—въ Берлинѣ не могли этого не сознавать. 940 русскихъ дезертировъ, которыхъ съ торжествомъ могло насчитать пограничное прусское начальство за нѣсколько мѣсяцевъ со времени отмѣны картеля, плохо уравновѣшивали ущербъ, наносившійся прусской промышленности русскими запретительными пошлинами; именно къ этому времени относится цитированная нами фраза Нессельроде, что «ненависть къ намъ пруссаковъ достигаетъ размѣровъ безумія». А затѣмъ, какъ это часто бываетъ при безуміи, пароксизмъ ненависти смѣнился апатіей. Руки невольно опускались, когда такое «вѣрное» дѣло было проиграно въ самую послѣднюю минуту, наканунѣ, казалось бы, рѣшительной побѣды. 20 мая 1844 г. Пруссія просто на-просто возобновила картель еще на двѣнадцать лѣтъ, безо всякихъ условій. Но если на одной сторонѣ пораженіе приводило къ апатіи, на другой неожиданно одержанная побѣда толкала къ дальнѣйшему наступленію. Мы видѣли, что особенно были недовольны въ Петербургѣ упоминаніемъ о трактатѣ 1815 г.—ничѣмъ нельзя больнѣе задѣть человѣка, какъ припомнивъ ему неисполненное имъ обязательство. Но въ данномъ случаѣ задѣтый вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ и спѣшилъ воспользоваться побѣдой, чтобы уничтожить всѣ слѣды пережитаго имъ стыда. Вѣнскій трактатъ предполагалъ независимую Польшу. Политической независимости «королевства», ставшаго «царствомъ», не было уже съ 1831 г.: но оставался ея *экономическій* слѣдъ, въ особой польской таможенной системѣ и отдѣльной таможенной линіи. Мы уже говорили, что паденіе этой послѣдней было только вопросомъ времени, и ко второй половинѣ 40 г. вопросъ могъ считаться достаточно назрѣвшимъ. Къ окончательному рѣшенію шли такъ, какъ привыкла ходить николаевская дипломатія: отнюдь не прямо и ни въ какомъ случаѣ не называя вещи своими именами. Еще 5 января 1847 г. Нессельроде настойчиво опровергалъ «распространяемые за-границей польской эмиграціей слухи», будто бы имп. Николай хочетъ покончить съ польской автономіей: ничего подобнаго, пусть прусскій кабинетъ успокоится. А три недѣли спустя, даже меньше, мы уже читаемъ: «нужно согласиться, что въ коммерческихъ вопросахъ она (Пруссія) въ самомъ дѣлѣ невыносима; я ожидалъ проектовъ *по поводу проектированнаго упраздненія таможенной линіи, которая отдѣляетъ королевство отъ имперіи* (!). Кенигсбергскіе купцы уже обратились по этому поводу съ

адресомъ къ королю. Постарайтесь, чтобы дѣлу не было дано ходу: всякій протестъ ихъ по этому поводу былъ бы чрезвычайно худо принятъ императоромъ. Вообще, въ Берлинѣ странныя идеи насчетъ всѣхъ этихъ коммерческихъ вопросовъ» (письмо къ Мейендорфу 22 января). Чего люди безпокоятся? У нихъ только отнимаютъ послѣдній, доступный имъ рынокъ во владѣніяхъ имп. Николая—только и всего. Какой благовоспитанный человѣкъ рѣшится поднять крикъ по такому поводу? Но пруссакамъ было не до благовоспитанности, и черезъ два мѣсяца въ письмѣ того же Нессельроде къ тому же Мейендорфу мы встрѣчаемъ такую знаменательную фразу: «Ваше письмо отъ 6 марта доставило мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ оно снабдило меня аргументами для тезиса, который здѣсь всячески оспариваютъ, именно, что *Пруссія еще не окончательно потеряна для насъ*». Прошло еще около полугода, и Нессельроде уже пишетъ языкомъ, который заставляетъ сомнѣваться въ прочности его «тезиса». «Коницъ (прусскій министръ) прислалъ Оттерштедту (прусскому повѣренному въ дѣлахъ) достаточно дерзкую депешу по поводу уничтоженія таможенной линіи. Я познакомился съ нею, благодаря перлюстраціи(!)[1])... Въ Берлинѣ совершенно напрасно спѣшатъ тотчасъ же вступить на оффиціальный путь... Я читалъ императору ту часть вашего письма, гдѣ вы передаете слова, сказанныя вамъ королемъ, и вотъ что онъ (т.-е. Николай I) отвѣтилъ: «Если король хочетъ послать въ Россію армію, чтобы поддерживать свое несправедливое требованіе, онъ найдетъ съ кѣмъ говорить»... Это между нами. Судите по этому, какъ будетъ принята нота Оттерштедта, и какой отвѣтъ мнѣ приказано будетъ написать». Этого отвѣта такъ боялся самъ будущій его авторъ, что въ дальнѣйшемъ онъ пытается еще разъ успокоить пруссаковъ, на этотъ разъ надеждами на смягченіе уже самого русскаго таможеннаго тарифа. Эта политика—въ виду, главнымъ образомъ, безнадежнаго положенія Пруссіи, когда люди особенно склонны убаюкивать себя иллюзіями—удавалась весьма долго: еще въ 1850 г. тогдашній прусскій посланникъ ф.-Роховъ писалъ въ Берлинъ самыя оптимистическія донесенія насчетъ будущаго русскаго тарифа. Только опубликованіе послѣдняго показало, что онъ является довольно вѣрнымъ наслѣдникомъ всѣхъ предыдущихъ, окончательно разрушило всѣ надежды: а чтобы отдалить этотъ моментъ, проектъ тщательно скрывали отъ пруссаковъ, чрезвычайно желавшихъ

[1]) Этотъ обычай русскаго кабинета—перлюстрировать дипломатическую корреспонденцію «дружественныхъ» державъ,—былъ такъ хорошо извѣстенъ, что имъ пользовались, чтобы отвести душу и сказать Россіи, чего оффиціально не напишешь.

съ нимъ познакомиться. Но, нужно сказать, иллюзіи были дѣломъ оффиціальной Пруссіи: неоффиціальная, но дѣловая, брала вопросъ совсѣмъ съ другого конца, и Нессельроде совершенно правильно характеризуетъ эту точку зрѣнія, все въ томъ же письмѣ. «Всѣ эти хлопоты доставляютъ намъ кенигсбергскіе и мемельскіе контрабандисты. Для нихъ мало имѣетъ значенія разница между двумя тарифами. Что они предвидятъ и чего они боятся, это, что новая (русская) таможенная линія, на внѣшней границѣ царства польскаго, будетъ лучше охраняться, чѣмъ охраняется до сихъ поръ польская граница»[1]). Какъ въ 20-хъ годахъ, такъ и въ 40-хъ, прусская торговля съ Россіей была, прежде всего другого, контрабандой; на границѣ шла форменная мелкая война между контрабандистами и пограничной стражей, при чемъ послѣднюю неоднократно приходилось усиливать линейными войсками[2]). При такихъ условіяхъ, оборона одной линіи вмѣсто двухъ представляла явныя стратегическія удобства. Каковы были экономическіе размѣры явленій, показываютъ прусскія оффиціальныя данныя, которыя трудно заподозрить въ преувеличеніи: по этимъ даннымъ Россія потеряла изъ-за контрабанды пошлины въ 1845 г. на 5.534.000 талеровъ, а въ 1846—на 5.219.000 тал.[3]). Это было больше всей суммы русскаго ввоза въ Пруссію, не превышавшаго 4 милл. р. на серебро.

Мелкая пограничная война не превратилась въ большую. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не послалъ арміи къ русскимъ границамъ для поддержанія своихъ «несправедливыхъ требованій». Но мы теперь знаемъ, что если эта армія пошла въ Шлезвигъ и грозила вторгнуться въ Ютландію, то виноваты были въ этомъ не одни идеалистическіе мотивы «національнаго единства», а и побужденія непосредственно-экономическія: Россію можно было «прижать» въ Даніи вѣрнѣе, чѣмъ въ Познани. Споръ на польской границѣ всегда имѣлъ оборотную сторону: она именно, эта сторона, и дѣлала экономическихъ противниковъ политическими псевдо-союзниками. Но съ этимъ связана такая обширная группа явленій, образующихъ вмѣстѣ треугольникъ—Россія, Пруссія Польша,—что вопросъ этотъ придется разсмотрѣть особо.

М. Покровскій.

---

[1]) Письмо къ Мейендорфу 13 дек. 1847 г., IX 47—49.

[2]) Въ одной изъ послѣдующихъ книгъ «Гол. Мин.» будутъ напечатаны, между прочимъ, воспоминанія современника, Арнольди, о таможенной борьбѣ съ контрабандистами на прусской границѣ. *Ред.*

[3]) Zimmermann, 241.